

МГП и СМИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Научный журнал об актуальных проблемах
международного гуманитарного права
и средствах массовой информации

№ 1 / 2020



В НОМЕРЕ:

Стр. 4



Денисова И.Н.:
«Необходимо вернуться
к преподаванию дисциплины
"МГП и СМИ"»

Стр. 12



Международное
космическое право и
вызовы современности

Стр. 90



Журналисты-герои
Великой Отечественной
войны

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Центр исследований деятельности информационных служб и СМИ в условиях вооруженных конфликтов издает научный журнал «Актуальные проблемы МГП и СМИ». Наш центр функционирует на базе Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета.

Основные задачи издания:

- пропаганда международного гуманитарного права;
- изучение специфики и закономерностей функционирования средств массовой информации и органов информационного обеспечения в условиях войн и вооруженных конфликтов;
- исследование особенностей взаимодействия СМИ с ведомственными органами информационного обеспечения в условиях войн и вооруженных конфликтов, террористических актов и чрезвычайных ситуаций;
- популяризация знаний о способах взаимодействия журналистов и органов информационного обеспечения в условиях войн, вооруженных конфликтов, террористических актов и чрезвычайных ситуаций;
- изучение теории и практики отечественной и зарубежной военной журналистики.

Приглашаем к сотрудничеству исследователей в сфере международного гуманитарного права (МГП), теории и практики военной журналистики, профессиональных журналистов, преподавателей, аспирантов и магистров.

Главный редактор Андрей Козлов.

Редакционная коллегия

Главный редактор – **А.В. Козлов**, доктор исторических наук, профессор.

Заместитель главного редактора – **Е.А. Младковская**, кандидат педагогических наук, доцент.

Ответственный секретарь – **А.Ш. Салихов**, кандидат исторических наук.

Члены редколлегии:

С.Н. Бабурин, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры.

Т.Н. Владимирова, проректор, директор Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета, доктор педагогических наук, доцент.

Н.А. Карташов, шеф-редактор журнала «Человек и Закон», заслуженный работник культуры Российской Федерации.

А.Е. Карлов, начальник учебно-методического отдела Военного университета МО РФ, кандидат психологических наук, доцент.

Т.Д. Матвеева, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель Евразийского института международного права.

В.А. Силкин, секретарь Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, кандидат педагогических наук.

З.А. Станкевич, доктор юридических наук.

В.Н. Литовкин, военный обозреватель ТАСС.

В.О. Микрюков, доцент департамента социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве РФ, кандидат философских наук, доцент.

И.В. Холиков, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права государственно-правовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

О.И. Чердаков, проректор по учебной и научной работе Международного юридического института, доктор юридических наук, профессор.

Т.М. Шамба, президент Коллегии адвокатов города Москвы «ТАМИР», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

К рассмотрению принимаются рукописи объемом не более одного авторского листа, набранного в текстовом редакторе Word через два интервала с концевыми ссылками на использованные источники.

Статьи необходимо присылать в адрес редакции (mgp_smi@mail.ru).

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 – 66970 от 25.08.2016 года.

Адрес редакции: 109240, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская д. 16-18, тел: +7 (926) 275-10-75.

E-mail: mgp_smi@mail.ru

В выпуске журнала принимали участие студенты Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета К.Е. Веселова, Е.Г. Волкова, М.А. Вотинцева, К.А. Денисова, К.А. Голиков, В.А. Козлова, П.А. Кирюшина, Я.А. Махлатова, С.И. Мисожникова, А.А. Подобедова, А.С. Солдецкая, Д.А. Тимохина, Д.В. Фатигаров, П.А. Шубина. Перевод – В.А. Козловой.

Подписано в печать 18.02.2020 г.

Типография «Белый Ветер». Тираж 500 экз. Заказ №183.

Москва, ул. Щипок, д. 28

Тел.: (495) 651-84-56.

E-mail: wwprint@mail.ru

© Журнал «Актуальные проблемы МГП и СМИ», 2020.

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Фатигаров Д.В.

Fatigarov D.

И.Н. Денисова: «Необходимо вернуться к преподаванию дисциплины «Международное гуманитарное право и СМИ» на всех факультетах журналистики».....	4
I. Denisova: «It is necessary to return to teaching the discipline» International humanitarian law and the media «at all faculties of journalism».....	4

ЖУРНАЛИСТ НА ВОЙНЕ

Определены суммы выплат за вред, причиненный жизни или здоровью журналиста, выполняющего поручение редакции в районах вооруженных конфликтов	9
The amounts of payments for harm caused to the life or health of a journalist fulfilling an editorial order in areas of armed conflict are determined	9

НОВОСТИ «ГУМАНИТАРИУМА»

Ниари Эделин Хэй: «Новому поколению важно преодолеть молчание»	10
Niari Edeline Hay: «It is important for the new generation to overcome silence»	10

КОНФЕРЕНЦИИ

Международное космическое право и вызовы современности	12
International Space Law and the Challenges of the Present	12

На конференции в Российском государственном университете правосудия обсудили деятельность органов военной юстиции.....	15
At a conference at the Russian State University of Justice, the activities of military justice bodies were discussed.....	15

Овчаров О.А.

Ovcharov O.A.

К вопросу о проблеме ликвидации юридических советников в Вооруженных силах России	17
On the issue of the elimination of legal advisers in the Armed Forces of Russia	17

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Козлов А.В.

Kozlov A.

Профессор И.В. Холиков: «Назрела необходимость пересмотра Руководства Сан-Ремо по международному праву»	20
Professor I. Kholikov: «There is a need to revise the San Remo Manual Guide on International Law».....	20

ТРИБУНА АСПИРАНТА

Богдан Д.В.

Bogdan Daryu

О принципах международного гуманитарного права, применимых к деятельности в космическом пространстве	26
Principles of International Humanitarian Law, Applicable to Activities in Outer Space.	26

Заневская Н.А.

Zanevskaya N.

Регламентация обращения с военнослужащими, погибшими в условиях вооруженного конфликта	34
The regulation of the treatment of military personnel who died in armed conflict.....	34

Лебедев А.В.

Lebedev A.

Шторм на рынке прессы угрожает свободе слова.....	41
Press Market Storm Threatens Freedom Speech.	41

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ДИСЦИПЛИНЫ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО И СМИ»

Матвеева Т.Д.

Matveeva T.

Международное гуманитарное право и профессиональная деятельность журналистов	50
International Humanitarian Law and the Professional Activity of Journalists	50

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В интересах информационных структур Федеральной службы войск национальной гвардии России	58
In the interests of the information structures of the Federal Service of the National Guard of Russia	58

Лебедев А.В.

Lebedev A.

«Миротворец» для миротворцев. Российские военные газеты в Приднестровье в 1992–2001 гг.	59
«Peacemaker» for peacekeepers. Russian military newspapers in Transnistria in 1992–2001	59

Рогожин Д.О., Фомина О.Н.

Rogozhin D., Fomina O.

Журналисты-герои	71
Hero Journalists	71

КОНКУРСЫ И ОЛИМПИАДЫ

И.Н. ДЕНИСОВА: «НЕОБХОДИМО ВЕРНУТЬСЯ К ПРЕПОДАВАНИЮ ДИСЦИПЛИНЫ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО И СМИ» НА ВСЕХ ФАКУЛЬТЕТАХ ЖУРНАЛИСТИКИ»



В сентябре 2019 г. вступили в силу поправки в Закон РФ «О средствах массовой информации» о дополнительных социальных гарантиях для журналистов, работающих в горячих точках. Чем вызвана необходимость изменений поправок в действующее законодательство? На вопросы нашего корреспондента отвечает Ирина Николаевна Денисова, кандидат филологических наук, доцент факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова.

– Ирина Николаевна, журналисты, освещающие экстремальные ситуации, подвергаются серьезному риску. Как часто они попадают в плен или даже гибнут? Какова статистика?

– Согласно данным Press Emblem Campaign (PEC), в 2017 г. погибли 97 журналистов, в том числе в зонах вооруженных конфликтов. Наиболее опасными точками на земле для журналистов считались Мексика, Ирак, Афганистан, Индия, Пакистан. На эти страны в совокупности пришлось 45 случаев из 97. У «Репортеров без границ» (RSF) несколько иная статистика: 65 погибших работников СМИ. Наиболее опасные страны – Сирия, Ирак, Йемен, Ливия, Мексика. В 2018 г. показатели такие: PEC – 110 человек, RFS – 80.

Российские журналисты тоже попали в эту подборку. В августе 2018 г. в ЦАР была расстреляна съемочная группа, в которую входили стрингер Орхан Джемаль, режиссер Александр Расторгуев и оператор Кирилл Радченко.

Большое количество жертв было во время спецопераций на Северном Кавказе 1994–1996 гг., 1999–2008 гг., а также в периоды между этими событиями. В 2014 г. началась гражданская война на юго-востоке Украины. Среди прочих жертв были 4 представителя российских СМИ и русский переводчик итальянского фотокорреспондента, также погибшего при минометном обстреле.

Именно тогда вновь встал вопрос об обязательной подготовке журналистов к работе в горячих точках и о страховании их жизни во время командировок. Без этих поправок журналисты имели возможность добровольно получить Международную профессиональную карточку журналиста в Союзе журналистов РФ, что давало им право на льготное страхование от рисков, связанных с профессиональной деятельностью. Такая страховка действовала только в пределах России.

– **Первый шаг к решению столь актуального вопроса был сделан еще в 2014 г. Чем можно объяснить столь длительную работу законодателей над документом?**

– Группа депутатов Государственной Думы во главе с Вадимом Деньгиным тогда предложила внести в Закон РФ от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации» положение о том, что при работе в горячих точках работодатель обязан обеспечить журналиста средствами индивидуальной защиты, специальным снаряжением и опознавательным знаком «Пресса/Press», предоставить журналисту возможность пройти специальное обучение, заключить договор страхования на случай гибели, ранения, болезни.

По своему желанию сотрудник мог бы пройти геномную регистрацию. Также была инициатива возложить на руководство СМИ обязанность по обеспечению

сотрудников удостоверением журналиста, находящегося в опасной командировке, предусмотренным Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающимся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I от 8 июня 1977 г.).

В 2015 г. законопроект был принят Госдумой в первом чтении. Поправки разрабатывали глава комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи Леонид Левин и на тот момент вице-спикер Государственной думы Петр Толстой. Нововведения были следующими: в проект документа включалось понятие «особые условия», под которыми понималась работа журналиста на территории РФ, где введено военное положение, в районах боевых действий, в районах вооруженных конфликтов и на территории проведения контртеррористической операции, определенных законодательству России, в иностранном государстве, определенном правительством РФ, которое находится в условиях чрезвычайного положения или в состоянии вооруженного конфликта.

Предполагалось, что редакция, получившая письменное согласие своего сотрудника на выполнение поручения в особых условиях, должна оформить редакционное задание в письменной форме, в котором персонально указывается сотрудник, который будет его выполнять, а также информация о действиях, которые он должен совершить для выполнения поручения, о месте, в которое направляется сотрудник, и о сроке выполнения поручения.

На СМИ также возлагалась обязанность организовать и профинансировать обучение журналиста и других сотрудников, оказывающих ему содействие при работе в горячей точке.

Были предусмотрены компенсации: в случае смерти сотрудника единовременно не менее 2 миллионов рублей, в случае причинения вреда здоровью сотрудника редакции, повлекшего утрату профессиональной трудоспособности более чем на 90%, – в размере не менее 1 миллиона рублей.

В Кодекс об административных правонарушениях было предложено внести поправки, предусматривающие штрафы за невыполнение условий договора страхования. Для должностных лиц и физических лиц – штраф от 30 до 50 тысяч рублей, для юридических лиц – от 100 до 200 тысяч рублей. При повторном нарушении условий договора страхования должностное лицо заплатит от 50 до 100 тысяч рублей. Юридическому лицу это грозит штрафом от 200 до 400 тысяч рублей или административным приостановлением деятельности на срок до 90 суток.

– Соглашусь, предложения актуальные и своевременные. Однако в 2015 г. поправки не были приняты. В чем причина?

– Возник юридический казус. Профильные комитеты Госдумы отметили, что сумма штрафов превышает штрафы, установленные Трудовым кодексом РФ. Законопроект тогда отправили на доработку. Однако на повестке дня возник новый аспект. Группа активистов предложила наделять журналистов, выполняющих работу в экстремальной ситуации, особым статусом.

– Ирина Николаевна, о чем идет речь?

– В мирной жизни защита прав человека во всем мире регулируется национальным законодательством отдельных стран. В период вооруженных конфликтов права граждан существенно ограничиваются, поэтому в силу вступают законы международного гуманитарного права (МГП). Основанное на всемирно признанных нормах, МГП защищает интересы каждого человека. Это касается и журналистов, оказавшихся в зоне боевых действий. Их права защищают принятые 8 июня 1977 г. Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям.

В частности, статья 79 маркирует представителей СМИ как гражданских лиц, если они не совершают никаких действий, несовместимых с этим статусом.

Иными словами, если в руках журналиста оказывается оружие, и он включается в боевой процесс, распространение на него права защиты мгновенно прекращается. Он переходит в разряд комбатантов. Комбатант — «сражающийся» — лицо, входящее в состав вооруженных сил сторон, находящихся в конфликте, и имеющее право принимать непосредственное участие в военных действиях.

Еще после Второй мировой войны предлагалось сделать специальные опознавательные знаки для репортеров, вести определенный их учет, создать международную организацию, которая могла бы регулировать направление журналистов в различные горячие точки. Однако сами журналисты, многие международные журналистские организации выступили против инициатив ООН. Одной из причин стало опасение, что подобная защита на самом деле станет определенным инструментом давления на СМИ и будет препятствовать профессиональной работе журналистов в зоне вооруженных конфликтов.

— **В 2017 г. впервые заговорили о возможности признания за журналистами статуса участника боевых действий. Кто генерировал подобную идею?**

— Тогда в Союзе журналистов РФ сменилось руководство. Главой организации был избран тележурналист Владимир Соловьев. Он первым заговорил об особом статусе журналистов, освещающих экстремальные ситуации, и предложил присваивать им статус участника боевых действий. Позже, в марте 2018 г. на V Медиафоруме «Правда и справедливость», который проводится Общероссийским народным фронтом, Владимир Соловьев от имени Союза журналистов озвучил Президенту России Владимиру Путину несколько инициатив, в том числе и о присвоении особого статуса коллегам, которые часто работают в зонах боевых действий. На что Владимир Путин юридически грамотно объяснил, почему это невозможно.

— **Доработка затянулась до 2018 г. Что сдвинуло дело?**

— Журналистское сообщество не раз пыталось актуализировать работу законодотворцев над проектом. Были опубликованы интервью с журналистами, работавшими в горячих точках, медиаменеджерами, общественными деятелями. Но в Думе снова вернулись к этому вопросу только после убийства съемочной группы Орхана Джемала.

Председатель Совета при Президенте РФ по правам человека Михаил Федотов обвинил депутатов в бездействии в столь важном вопросе, выразив надежду, что гибель трех российских журналистов в ЦАР заставит парламентариев устыдиться своей медлительности. Свое мнение высказали также медиаменеджеры ведущих российских СМИ. Например, Маргарита Симоньян, главный редактор телеканала RT, заявила, что редакция страховала журналистов, но, столкнувшись с нечистоплотностью крупнейшей российской страховой компании при выплатах за ранение ребят, с невозможностью получить нормальную военную страховку в других компаниях, решила в подобных случаях выплачивать компенсации самостоятельно, из рекламных средств. Аналогичных подходов придерживались и в других СМИ.

— **Отечественные журналисты и медиаменеджеры обращались к опыту зарубежных коллег из СМИ Европы, Северной Америки, КНР? Как этот вопрос решается у них?**

— Зарубежные журналисты не поедут в опасную командировку, если не соблюдены их права. Включает это следующее: договор между журналистом и редакцией, тренинги журналистов перед поездкой в горячую точку, страхование жизни, здоровья, средства индивидуальной защиты... Пример — единственные журналисты, работавшие в экипировке во время освещения беспорядков футбольных фанатов на площади Киевского вокзала в 2010 г., были из информационного агентства «Синьхуа».

— **У нас уже есть подобный опыт?**

— В России функционируют курсы подготовки журналистов к работе в экстремальных ситуациях. Во-первых, это курсы «Бастион», проводящиеся под эгидой

Союза журналистов Москвы. Они были созданы по аналогии курсов для американских журналистов «Центурион». Проводятся они ежегодно на различных полигонах в условиях, максимально приближенным к реальным. Лекции и занятия проводят специалисты из Министерства обороны, МЧС, МВД, ФСБ, МИД России, а также опытные журналисты. Во-вторых, курсы «Основы безопасности в зонах чрезвычайных ситуаций и вооруженных конфликтов для представителей СМИ», которые проводит НКО «Русская гуманитарная миссия» совместно с Международным Комитетом Красного Креста несколько раз в год. Эту образовательную программу «Русская гуманитарная миссия» предложила ООН для обучения журналистов из всех стран-участниц.

— **Эти курсы могут решить проблему подготовки журналистов?**

— Понятно, что курсы не в состоянии обучить всех желающих. Группа слушателей «Русской гуманитарной миссии» формируется из 8–10 человек, «Бастиона» — из 20–30 журналистов. Финансирование программ нестабильное. Государство не выделяет на их проведение бюджеты. Организаторы должны сами изыскивать средства, но это не всегда получается. Поэтому был период, когда «Бастион» не проводился. Соответственно, необходимо вернуться к преподаванию дисциплины «Международное гуманитарное право и СМИ» на всех факультетах журналистики. Это позволит готовить максимальное число будущих журналистов к работе в особых условиях.

— **Судя по публикациям в СМИ, оперативной работе над законопроектом препятствовала, в том числе, и финансовая составляющая.**

— Да, СМИ много раз писали, ссылаясь на анонимные источники, что Министерство финансов и Министерство труда и социальной защиты противоречили друг другу. Минфин — из-за дополнительных расходов государственных медиа на страховку, а Минтруд — из-за того, что необходимые нормы уже есть в законодательстве. Депутаты предлагали более мягкую версию, но Минфин все равно с ней не соглашался: в случае, если работодатель не оформил страховку, выплачивать ее все равно придется государству.

— **Ирина Николаевна, в законопроекте не оговорена страховка стрингеров и фиксеров, то есть, тех, кто не является штатным сотрудником редакции, но работает в горячей точке.**

— Здесь есть нюансы. Во-первых, такой полис можно оформить за свой счет. Но не все страховые компании эту услугу предоставляют, или предлагают сокращенный полис. Например, отказываются страховать технику в странах «третьего мира», где журналисты часто становятся жертвой банального ограбления. Или полис не покрывает полностью расходов в случае тяжелого ранения, плена. На помощь стрингерам приходят Международный институт прессы (IPI) и Pe of Man Assurance Limited. Они их страхуют. Любой журналист, имеющий доказательства своей профессиональной деятельности, может подать заявление на эту страховку. Доказательством может служить членство в таких журналистских организациях, как IPI или Международная федерация журналистов (IFJ), работа в медиакомпании или журналистские публикации.

— **В 2018 г. документ был одобрен и подписан. Что в «сухом остатке»?**

— 19 декабря 2018 г. закон о дополнительных мерах по защите журналистов, работающих в горячих точках, был принят Думой, 21 декабря 2018 г. — Советом Федерации, 28 декабря 2018 г. он был подписан Президентом РФ.

Несмотря на необходимость и очевидность скорейшего принятия, законопроект в течение 5 долгих лет не мог пройти все государственные фильтры. Журналисты, работающие в горячих точках, заметно ущемлялись в своих правах. Обеспечение им социальных гарантий было добровольным актом редакций. Принятые поправки обязывают работодателя заключать с работником договоры страхования, обеспечивать журналистов, работающих в горячих точках, средствами индивидуальной за-

щиты, опознавательным знаком «Пресса» (Press) и международным удостоверением журналиста, а также проводить обучение сотрудников мерам безопасности.

Что касается самого спорного момента – финансового, то в итоге зафиксирована и обязанность покрытия расходов на оказание журналисту экстренной медицинской помощи за рубежом – в размере реальных затрат, но не более 2 млн рублей. Компенсироваться будут расходы на возвращение в Россию сотрудника редакции, неспособного передвигаться самостоятельно. За каждый день просрочки выплат устанавливается пеня. Компенсации будут выдаваться независимо от выплат, предусмотренных законом об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. При этом редакция освобождается от обязанности по выплате компенсаций, если она за счет собственных средств заключила договор добровольного страхования корреспондента, направленного в горячую точку. С 1 сентября 2019 г. закон на стороне журналистов.

– **Спасибо за интервью!**

Записал Дмитрий Фатигаров.

ОПРЕДЕЛЕНА СУММА ВЫПЛАТ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЮ ЖУРНАЛИСТА, ВЫПОЛНЯЮЩЕГО ПОРУЧЕНИЕ РЕДАКЦИИ В РАЙОНАХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Постановлением Правительства РФ от 13.09.2019 г. № 1195 «Об утверждении Правил выплаты единовременной компенсации при причинении вреда жизни или здоровью сотрудника редакции в процессе выполнения им поручения редакции в особых условиях» определены суммы выплат за вред, причиненный жизни или здоровью журналиста, выполняющего поручение редакции в районах вооруженных конфликтов.

Единовременная компенсация выплачивается редакцией средства массовой информации в следующих размерах:

в случае смерти (гибели) сотрудника редакции — не менее 2 млн рублей;

в случае причинения вреда, повлекшего утрату профессиональной трудоспособности более чем на 90 процентов, — не менее 1 млн рублей;

в случае возникновения расходов на возвращение в Россию сотрудника редакции, неспособного передвигаться самостоятельно, а также тела (останков) — в размере понесенных расходов, но не более 1 млн рублей.

Единовременная компенсация выплачивается в равных долях супругу (супруге) сотрудника редакции, его несовершеннолетним детям, детям в возрасте до 23 лет, обучающимся в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, по очной форме обучения, а также его родителям, находившимся на день смерти (гибели) сотрудника редакции на его иждивении.

Редакция освобождается от обязанности по выплате указанной компенсации в случае заключения за счет собственных средств договора добровольного страхования такого сотрудника. При этом страховые суммы по указанному договору страхования не должны быть ниже установленных сумм компенсаций.



НИАРИ ЭДЕЛИН ХЭЙ: «НОВОМУ ПОКОЛЕНИЮ ВАЖНО ПРЕОДОЛЕТЬ МОЛЧАНИЕ»

В дискуссионно-информационном центре «Гуманитарium» прошёл круглый стол «Память и война». Он был посвящён актуальным правовым и гуманитарным вопросам мировой политики. Организатор – региональная делегация Международного Комитета Красного Креста (МККК) в Москве.



С экспертными докладами выступили специалисты в сфере международного гуманитарного права, юристы, политики, деятели искусств разных стран. Среди них – главный специалист Российского государственного военного архива Дмитрий Исповедников; кинорежиссёр Ниари Эделин Хэй; советник МККК по вопросам психологического здоровья и психосоциальной поддержки в странах Евразии Ана Кристина Энрикеш; старший советник по правовым вопросам региональной делегации МККК в России Мария Гаврилова. Круг тем был обширен. Эксперты осветили последствия психологических травм участников и жертв вооружённых конфликтов, роль архивов в сохранении памяти о войне, механизмы правосудия переходного периода и многие другие аспекты послевоенных проблем.

Круглый стол включал две секции: участники первой обсуждали влияние постконфликтных ситуаций на общество и его развитие; в ходе второй был сделан акцент на юридических инструментах, приводящих к миру после войны и общественному согласию. Андрей Козик, региональный координатор МККК по правовым вопросам в странах Восточной Европы и Центральной Азии, отметил, что по этому вопросу существует множество теорий, но главная говорит о том, что «без справедливости невозможно ни восстановление, ни тем более развитие любого постконфликтного общества». В перерыве между секциями у гостей также была возможность задать спикерам вопросы и уточнить интересующие их детали.



Французский кинорежиссёр Ниари Эделин Хэй, пережившая Камбоджийский политический кризис 1997 г., выступила с темой: «Сохранение памяти о войне через искусство». Виктория Зотикова, координатор «Гуманитарииума», спросила у режиссёра о том, каким образом её фильм может повлиять на жертв военных действий и молодое поколение, не столкнувшееся со всеми их кошмарами. В ответе прозвучала мысль о том, что «стену молчания» важно ломать именно потому, что часто люди, пережившие ужас войны, слишком травмированы и не хотят обсуждать прошлое, хотя это необходимо обществу для предотвращения новых вооруженных конфликтов. «Новому поколению важно преодолеть молчание, ибо на нём ничего позитивного построить нельзя», — заключила Ниари Эделин Хэй.

Мероприятие продолжалось почти три часа. Несмотря на различные точки зрения, высказанные в ходе дискуссии, по общему мнению экспертов, основная задача всех существующих правовых механизмов заключается не в «искусственном наказании всех виновных, а в органичном развитии общества, и это невозможно без справедливого отношения к каждому».

Алексей Желудов.
Фото автора.

МЕЖДУНАРОДНОЕ КОСМИЧЕСКОЕ ПРАВО И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ



Третья ежегодная всероссийская встреча Международного института космического права «Полвека в действии: международное космическое право и вызовы современности» прошла 14 декабря 2019 г. в Российском университете дружбы народов.

Международный институт космического права (МИКП) является международной неправительственной организацией, которая была создана в рамках XI Международного астронавтического конгресса, прошедшего в 1960 г. в Швеции. В настоящий момент в состав МИКП входят около 450 членов из почти 50 стран. Основными задачами института являются изучение правовых, социальных и политических аспектов исследования и использования космического пространства, а также содействие развитию космического права и укреплению верховенства права в деле освоения космоса в мирных целях.

Встреча МИКП собрала более 60 участников, включая российских и иностранных экспертов в области космического права и смежных областей науки, представителей международных межправительственных и неправительственных организаций, профильных коммерческих компаний и СМИ, а также студентов и преподавателей ведущих учебных заведений и научных институтов России и зарубежных стран. Кроме того, ряд известных иностранных специалистов по космическому праву приняли участие в работе встречи в формате видеообращений.

Мероприятие открыл президент МИКП, директор по стратегическим вопросам Европейского космического агентства, эксперт по вопросам космической политики Федерального министерства Германии по экономическим вопросам и энергетике Кай-Уве Шрогль, обратившись к участникам встречи в видеоформате. «Ваши сегодняшние дискуссии, а также их выводы несомненно окажут влияние на возможные изменения в национальном законодательстве, — подчеркнул К.-У. Шрогль. — Кроме того, заверяю вас, что они также будут приняты во внимание в рамках МИКП. Три темы, выбранные для этой встречи, имеют первостепенное значение и представляют

собой комплексные вызовы для развития космического права. В частности, управление космическим движением становится важнейшим вопросом международного регулирования.

Мы приветствуем ваши идеи, так как международная согласованность и сотрудничество в этой сфере имеют наивысшую важность для создания работоспособной правовой системы, которая бы отражала интересы всех субъектов космической деятельности».

В заключении К.-У. Шрогль отметил, что в 2019 г. ряд членов института из России были удостоены престижных наград МИКП: исполнительный директор Международной организации космической связи «Интерспутник» В.С. Вещунов был награжден «За выдающиеся заслуги», а второй секретарь отдела международного публичного права Правового департамента МИД России О.А. Волынская получила награду «Молодому специалисту за достижения в области космического права».

Следующим выступил заведующий кафедрой международного права РУДН, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам Аслан Хусейнович Абашидзе. Прежде всего, он заявил о необходимости объединения российских центров в области изучения международного космического права и создания единой платформы, способной привлечь молодое поколение исследователей. А.Х. Абашидзе отметил, что сегодня специалистов в этой сфере крайне мало. В результате складывается ситуация, когда технические эксперты в области освоения космоса вынуждены подменять юристов-международников. Также А.Х. Абашидзе уделил внимание необходимости разработки нового единого учебника по международному космическому праву.

Организатор встречи Элина Леонидовна Морозова, член совета директоров МИКП, начальник международно-правовой службы Международной организации космической связи «Интерспутник», рассказала об итогах деятельности института. Так, в 2019 г. МИКП провел совместный с Европейским центром космического права симпозиум для делегатов Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу, посвященный Соглашению о Луне, коллоквиум по космическому праву в рамках Международного астронавтического конгресса, конференцию по космическому праву для Азиатско-Тихоокеанского региона и симпозиум по актуальным вопросам космического права им. Эйлин М. Геллоуэй.





Э.Л. Морозова уделила особое внимание Международному конкурсу МИКП по космическому праву им. Манфреда Ляхса. «Конкурс проводится с 1992 г. и включает два этапа: региональный и всемирный. Он состоит в имитации судебного процесса по модели Международного суда ООН по делу, которое затрагивает актуальные вопросы космического права. Студенческие команды готовят письменные позиции истца и ответчика и выступают с ними в прениях. В 2019 г. в состязании приняла участие 91 команда, из

которых Россию представляли всего три. Это были команды МГЮА, РУДН и Самарского университета». По словам Э.Л. Морозовой, небольшое число команд из России, по сравнению с другими странами, связано с тем, что зачастую российские вузы не поддерживают инициативу студентов. Основная проблема – отсутствие финансирования со стороны государства и вузов.

Официальная часть мероприятия завершилась приветствием новых членов института. М.А. Алексееву, В.С. Кичениной, А.М. Комлевой, И.А. Косенкову, а также Т.И. Гусейнову, представителю Бакинского государственного университета – нового институционального члена института, – были вручены именные сертификаты и памятные нагрудные значки МИКП.

Вторая часть встречи была посвящена панельным дискуссиям по ряду актуальных тем международного космического права. В рамках первой секции участники мероприятия обсудили вопросы, связанные с обеспечением безопасности и устойчивости космической деятельности. Вторая секция была отведена на рассмотрение правовых аспектов использования космических ресурсов и ведения других видов коммерческой космической деятельности.

В ходе заключительной третьей секции участники уделили внимание приобретающим все большую актуальность вопросам использования космического пространства в военных целях. Аспирантка кафедры международного права РУДН А.М. Потапенко представила доклад об основных международных инициативах, направленных на предотвращение милитаризации космического пространства. Магистрант Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва Р.А. Коньгин рассказал об актуальных примерах военного использования космоса. Магистр космических исследований, выпускница Католического университета Лёвена (Бельгия) и Балтийского федерального университета, А.М. Комлева посвятила свое выступление общим вопросам правового регулирования военной космической деятельности. Аспирантка Белорусского государственного университета Д.В. Богдан выступила с докладом о применимости принципов международного гуманитарного права к деятельности государств в космическом пространстве. Участники встречи сошлись во мнении, что на сегодня основной задачей в контексте данной темы является сохранение мирного космоса для будущих поколений.

Полина Шубина.
Фото Алексея Желудова

НА КОНФЕРЕНЦИИ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПРАВОСУДИЯ ОБСУДИЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ

В Российском государственном университете правосудия состоялась международная научно-практическая конференция «Деятельность органов военной юстиции на современном этапе развития российского государства». Мероприятие было посвящено 101-й годовщине создания военных трибуналов.

С приветственным словом к собравшимся обратился ректор Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор В.В. Ершов.

В роли модератора конференции выступил начальник военного учебного центра при РГУП, доктор юридических наук, полковник юстиции запаса В.И. Качалов.

С огромным интересом участники выслушали сообщения по злободневным темам. Помощник заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Судебной коллегии по делам военнослужащих, доктор юридических наук, профессор, полковник юстиции запаса К.В. Фатеев осветил тему: «Осуществление судопроизводства военными судами на современном этапе развития российского государства».

Заместитель главного военного прокурора, кандидат юридических наук, генерал-лейтенант юстиции А.Ю. Девятко рассказал о деятельности органов военной прокуратуры на современном этапе. Врио начальника Главного управления военной полиции Министерства обороны России, полковник юстиции В.И. Ковалев поднял проблему наделения военных комендантов и командиров воинских частей полномочиями по назначению дисциплинарного ареста. Профессор кафедры уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР, заслуженный деятель науки РФ Г.И. Загорский осветил вопрос становления военных судов Российского государства как органов правосудия. Профессор кафедры военно-юри-





дической подготовки военного учебного центра при Российском государственном университете правосудия, член редколлегии журнала «Актуальные проблемы МГП и СМИ», доктор юридических наук, профессор, полковник юстиции запаса И.В. Холиков осветил тему: «Актуальные вопросы международно-правовой регламентации современных вооружённых конфликтов на море».

В конференции также приняли участие ветераны военно-судебной системы, курсанты Военного университета МО РФ, студенты Военного учебного центра при Российском государственном университете правосудия, председатели окружных (флотских) и гарнизонных военных судов, представители юридической службы Министерства обороны России и другие.

Особо следует отметить вопрос, который в своем выступлении по теме: «Военно-юридическая служба России: история, настоящее и перспективы развития» поднял доцент кафедры военно-юридической подготовки Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук О.А. Овчаров. Ученый осветил проблему сокращения офицерских должностей в юридической службе Вооруженных сил России и, как следствие, фактической ликвидации юридических советников в армии и на флоте.

Полина Шубина.

Овчаров Олег Андреевич — доцент кафедры военно-юридической подготовки Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

Email: o.oleg.1968@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ СОВЕТНИКОВ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИИ

В условиях вооружённого конфликта офицеры военно-юридической службы призваны выполнять функции «юридических советников». Понятие «юридический советник» в международном гуманитарном праве появилось вместе с Дополнительным протоколом I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающимся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, принятом на дипломатической конференции в Женеве 8 июня 1977 г. и ратифицированного Верховным Советом СССР 4 августа 1989 г. Статья 82 указанного Протокола I так и называется «Юридические советники в вооруженных силах».

Этой статьёй устанавливается, что Высокие Договаривающиеся Стороны в любое время и стороны, находящиеся в конфликте, в период вооруженного конфликта обеспечивают наличие юридических советников, которые могли бы, когда это необходимо, давать советы военным командирам на соответствующем уровне о применении Конвенций и Протокола и о соответствующем инструктаже вооруженных сил по этому вопросу.

Во исполнение вышеуказанных международных обязательств был издан приказ Министра обороны СССР от 16 августа 1990 г. № 75, утвердивший Руководство по применению Вооруженными силами СССР норм международного гуманитарного права и возложивший на офицеров юридической службы Министерства обороны СССР функции юридических советников, предусмотренные ст. 82 Протокола I (п. 2 приказа).

Проблема в том, что офицеров в юридической службе Вооруженных сил Российской Федерации почти не осталось. Практически все офицерские должности в юридической службе Вооруженных сил России 10 лет назад были ликвидированы, а вместе с ними, по сути, были ликвидированы и юридические советники. Командиры остались без специалистов в области международного гуманитарного права, а войска — без соответствующего обучения и инструктажа по нормам международного гуманитарного права. Тем самым создалась опасность нарушения не только указанных требований приказа министра обороны, но и взятых Россией международных обязательств.

Такое сокращение произошло в нарушение ст.ст. 106-107 Устава внутренней службы Вооружённых сил РФ (утв. Указом Президента РФ от 10.11.2007 г. № 1495), которые до сих пор предусматривают наличие в полку воинской должности «Помощник командира полка по правовой работе» с конкретными обязанностями. Согласно решению Верховного Главнокомандующего Вооружёнными силами в полку должна быть воинская должность помощника командира по правовой работе, а согласно ре-



шению министра обороны РФ в штате такой должности быть не должно. Такое странное, мягко говоря, противоречивое положение продолжается в войсках вот уже 10 лет.

В Военном университете Минобороны в связи с этим ликвидировали целый факультет, занимавшийся подготовкой уникальных специалистов военно-юридической службы. Инициативу по подготовке офицерских кадров перехватили, в частности, Военные учебные центры при МГУ и Российском государственном университете правосудия. Но беда в том, что выпускникам-офицерам запаса, крайне трудно поступить на военную службу по своей уникальной специальности и реализоваться в качестве офицера военно-юридической службы или хотя бы закрепить полученные уникальные знания на практике в области военно-юридической деятельности. Должности гражданского персонала юридической службы малопривлекательны ввиду низкого уровня заработной платы, отсутствия социальной защищенности и карьерного роста.

Вместе с тем, согласно ст. 77 УВС ВС РФ командир (начальник) в ходе боевой подготовки обязан организовывать правовое обучение подчиненных военнослужащих, направленное на усвоение ими установленного правового минимума и норм международного гуманитарного права. В ходе выполнения боевых задач воинской частью (подразделением) командир (начальник), руководствуясь требованиями боевых уставов, должен принимать меры по соблюдению норм международного гуманитарного права, а виновных в их нарушении привлекать к дисциплинарной ответственности. При этом в случае обнаружения в действиях (бездействии) подчиненных признаков состава преступления командир воинской части в соответствии с законодательством Российской Федерации возбуждает уголовное дело. Командир (начальник), рассматривая вопросы, касающиеся применения норм международного гуманитарного права, в случае необходимости пользуется помощью юридического советника.

Правовое обеспечение действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности организуется с помощью правовых средств для решения с максимальной пользой для России задач в этой области, а также соблюдения в этих условиях законодательства Российской Федерации и норм международного гуманитарного права.

Оно заключается в оказании юридической (правовой) помощи органам военного управления, командирам (начальникам) и осуществляется путем выработки комплекса правовых мероприятий, направленных на решение боевых, вспомогательных и других задач, проведения правовых экспертиз проектов боевых документов и соответствующих консультаций, контролем соблюдения законодательства непосредственно в ходе боевых действий, а также проведением других мер по предотвращению или пресечению нарушений указанных норм.

При установлении несоответствия проектов боевых и других документов нормам действующего законодательства, приказам и директивам вышестоящих начальников помощник командира (начальника) по правовой работе (другое должностное лицо юридической службы) дает рекомендации с соответствующими разъяснениями по соблюдению нарушенных норм и, при необходимости, докладывает командиру (начальнику) с представлением своего заключения в письменном виде. При подготовке правового заключения по проектам боевого приказа и других документов помощник командира (начальника) по правовой работе (другое должностное лицо юридической службы) руководствуется законодательством Российской Федерации, международными договорами, относящимися к международному гуманитарному праву, участницей которых является Российская Федерация, и указаниями командира (начальника).

Важнейшей задачей правового обеспечения боевых действий является осуществление постоянного контроля за соблюдением войсками норм действующего законодательства. В случае их нарушения помощник командира (начальника) по право-

вой работе докладывает об этом своему командиру (начальнику) и по его указанию организует проведение предварительного расследования (разбирательства) правонарушения. Одновременно штаб совместно с помощником командира (начальника) по правовой работе (другим должностным лицом юридической службы) осуществляет регистрацию и анализ нарушений норм международного гуманитарного права, совершаемых противником.

В случае длительного расположения войск на месте помощник командира (начальника) по правовой работе осуществляет правовое обеспечение взаимодействия командования с местной администрацией по вопросам соблюдения правил поведения и порядка передвижения гражданского населения в районах расположения войск, обозначению этих районов и проведении других мероприятий, снижающих уровень опасности для гражданского населения. После окончания боевых действий в определенном районе, как только позволит обстановка, помощник командира (начальника) по правовой работе (другое должностное лицо юридической службы) участвует в подготовке командиру (начальнику) предложений по организации сотрудничества с местной администрацией и возвращению временно перемещенных граждан на прежнее место жительства, а также возврату его владельцам гражданского имущества, которое временно использовалось в военных целях, а в случае его повреждения или утраты — возмещению в соответствии с законодательством убытков.

Следует отметить, что подразделения военно-юридической службы США, в отличие от российских военных юристов, участвуют абсолютно во всех военных операциях и операциях не военного характера, проводимых войсками, как отдельный самостоятельный орган военного управления. В директивах и приказах на проведение таких операций имеется всегда специальное указание об их правовом обеспечении, которое возлагается именно на военно-юридическую службу.

В каждом оперативном плане предусматривается раздел «военно-правовое обеспечение» (юридические вопросы), в котором ставятся конкретные задачи перед военно-юридической службой. Это происходит всегда, независимо от того, учение ли это или реальная военная операция. К примеру, во время проводимой США военной операции «Буря в пустыне» были задействованы 800 юристов, из них 250 офицеров-юристов находились в воинских частях, непосредственно ведущих боевые действия, вплоть до батальона включительно, или подразделения, выполняющего отдельную самостоятельную задачу. В ходе операции «Объединенная попытка» в бывшей Югославии в 1 брtd США только вопросами рассмотрения жалоб и исков в районе проведения операции (в зоне ответственности дивизии), связанных с инцидентами с местным населением и конфликтующими сторонами, занимались 13 офицеров военно-юридической службы.

В ходе планирования военной операции юрист согласно американскому законодательству является одной из ключевых фигур в штабе. Его главная задача — обеспечить законность плана операции и принимаемых командиром решений. Он имеет доступ ко всей информации: изучает донесения, сводки и другую, в том числе и разведывательную информацию; принимает участие в подготовке приказа на операцию.

Таким образом, можно сделать вывод, что штатных юристов — специалистов в области права вооруженных конфликтов, которые занимались бы только вопросами, связанными с применением и распространением в войсках норм оперативного права, а также международного гуманитарного права в Вооруженных силах Российской Федерации сегодня нет.

(Выступление публикуется с сокращениями).

Фото пресс-службы РГУП.

ПРОФЕССОР И.В. ХОЛИКОВ: «НАЗРЕЛА НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕСМОТРА РУКОВОДСТВА САН-РЕМО ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ»



За время, прошедшее с момента публикации Руководства Сан-Ремо по международному праву, применимому в вооруженных конфликтах на море, произошли значительные изменения в военно-морских вооружениях. Это обуславливает потребность переоценки действующих норм Руководства.

Работа по его совершенствованию уже ведется. С 30 сентября по 4 ноября 2019 г. в Копенгагене состоялось заседание группы международных экспертов по разработке новой редакции Руководства Сан-Ремо по международному праву. Участники группы — ученые из более тридцати стран, а также представители Международного Комитета Красного Креста, Российскую Федерацию в данной группе представляет профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации доктор юридических наук, профессор И.В. Холиков.

— Иван Владимирович, с момента своего принятия в 1994 г. Руководство Сан-Ремо стало авторитетным сводом современных норм международного права, применимых к вооруженным конфликтам на море. Почему сегодня назрела необходимость пересмотра и уточнения как самих правил, содержащихся в Руководстве, так и комментариев к нему?

— Причин тому несколько. Прежде всего, это появление новых договоров, судебных решений и развитие практики государств. На второе место я бы поставил неполноту действующего Руководства. Некоторые темы не затрагивались вообще или были рассмотрены не полностью. Имеются также расхождения положений Руководства с опубликованными за последние два с половиной десятилетия национальными руководствами и наставлениями.

— Можно назвать документы, положения которых расходятся с Руководством?

— Говоря о таких договорах, необходимо отметить Конвенцию о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 г., Римский статут Международного уголовного суда 1998 г., Второй протокол к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1999 г., Пятый протокол по взрывоопасному наследию войны 2003 г. (применительно к внутренним водам), Конвенцию по кассетным боеприпасам 2008 г. Среди судебных решений выделяются: дело по нефтяным платформам, дело «Гвиана против Суринама», дело «Аргентина против Ганы» и продолжающееся арбитражное дело Enrica Lexie Incident между Италией и Индией. К новым практикам государств можно отнести морские операции по перехвату террористов, установка вооружения на госпитальные суда, операции по освобождению захваченных самолетов, морская блокада сектора Газа, борьба с пиратством в районе Сомали, военно-морская операция миссии ООН в Ливане.

– По Вашему мнению, с чем еще связана неполнота действующего Руководства?

– Она обусловлена тем, что не были рассмотрены такие вопросы, как враждебные действия и сбор разведывательной информации негосударственными органами, нападения повстанцев на иностранные суда, выход вооруженных конфликтов не-международного характера в открытое море, использование услуг частных военных и охранных компаний военно-морскими силами, коалиционные и комбинированные операции. Также не нашли свое отражение вопросы, связанные с капитуляцией боевых кораблей при боевых действиях за пределами прямой видимости, подводных лодок и военных самолетов; ракетными ударами с кораблей по наземным целям; блокадами, включая воздушные, и их определение; применением ядерных мин по Договору о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения.

К темам, заслуживающим внимания, также относятся: защита окружающей среды при вооруженных конфликтах на море, подводные кабели и трубопроводы, статус вспомогательных летательных аппаратов, необходимость опубликования списков контрабандных товаров.

Применительно к противоречиям с национальными нормативными правовыми актами, можно отметить наставление по праву вооруженных конфликтов Великобритании 2004 г., которое гласит, что Соединённое Королевство не использует призовые суда уже много лет и едва ли будет прибегать к ним в будущем. В случае захвата морских или воздушных судов вооруженными силами Её Величества они могут становиться собственностью правительства Её Величества.

Руководство же правомерно утверждает, что частные морские и воздушные суда неприятеля или нейтральной стороны могут быть захвачены только по решению призового суда. Очевидно, что британское наставление ошибочно и подлежит коррекции в этом плане. В том же британском наставлении написано, что старое правило, по которому боевым кораблям неприятеля запрещено оставаться в нейтральных портах более 24 часов за исключением непредвиденных обстоятельств, более не применяется вследствие современной практики государств. Вместе с тем Руководство вновь подтверждает старое правило 24 часов, которое восходит к XIII Гаагской конвенции 1907 г. В этой связи необходимо исследовать современную практику государств и определить, действует ли это правило.

– Исследователи этого вопроса указывают на ошибки, которые содержатся в Руководстве.

Действительно, к ним, например, можно отнести то, что в комментариях к Руководству утверждается: операции воздушных судов по поиску и спасению требуют согласия неприятельской стороны если только они не осуществляются санитарными летательными аппаратами. Вместе с тем Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 г., запрещает использование санитарной авиации для поиска и спасения, за исключением случаев, предусмотренных предварительным соглашением с противной стороной. В случае, если санитарный летательный аппарат используется для поиска и спасения комбатантов без подобного предварительного соглашения с неприятелем, то он теряет свою защиту и может быть подвергнут нападению, конечно после должного предупреждения.

Также в Руководстве используется принцип пропорциональности применительно к блокадам. В международном гуманитарном праве принцип пропорциональности прочно связан с термином «нападение». Хотя установление блокады и является методом ведения войны на море его нельзя считать нападением. Общая практика государств также не предусматривает применение принципа пропорциональности в иных, кроме нападений, случаях.

– Иван Владимирович, можно ли обосновать необходимость обновления и уточнения Руководства Сан-Ремо по международному праву, применяемому в вооруженных кон-

фликтах на море, появлением новых технологий, которые могут быть использованы на морских театрах военных действий?

– Да. К ним относятся кибероружие, удаленно управляемые воздушные и морские суда, а также новое поколение ракет и иных снарядов, торпед и морских мин. Кибероружием в данном контексте являются такие средства и методы ведения войны, которые наносят урон противнику без использования традиционных кинетических действий. Быстрое развитие военных возможностей в этой сфере требуют четкого подтверждения обязательств государств по применению данных средств и методов в соответствии с нормами МГП. К счастью, применение кибероружия пока не приводило к драматическим гуманитарным последствиям, что, однако, не снимает с повестки дня необходимость изучения и предотвращения подобных сценариев.

– А роботизация войны является проблемой исследований в области МГП?

– Еще одним вызовом со стороны технологического развития и робототехники является все увеличивающаяся автономия роботизированных оружейных систем и их критические функции по выбору целей и их уничтожению. Бесспорно, здесь присутствует морально-этический аспект в контексте риторического вопроса о том, готово ли человечество делегировать компьютерным программам полномочия принимать решения по уничтожению людей. Правовой же аспект данной проблемы вращается вокруг вопроса о том, возможно ли соблюдение норм МГП автономными оружейными системами. В этой связи становится очевидным, что автономность таких систем, особенно в части применения ими летальной силы, должна быть ограничена государствами в целях обеспечения соблюдения норм международного гуманитарного права.

– Можно ли считать беспилотные морские системы военными кораблями?

– Такой вопрос является актуальным. Среди удаленно управляемых систем на морских ТВД различают беспилотные летательные аппараты (БПЛА) и беспилотные морские системы (БМС). В соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву «военный корабль» означает судно, принадлежащее к вооруженным силам какого-либо государства, имеющее внешние знаки, отличающие такие суда его национальности, находящееся под командованием офицера, который состоит на службе правительства данного государства и фамилия которого занесена в соответствующий список военнослужащих или эквивалентный ему документ, и имеющее экипаж, подчинённый регулярной военной дисциплине.

Хотя БМС ходят в морских районах, они не могут безоговорочно считаться кораблями. В международном морском праве отсутствует единообразное определение термина «корабль». Конвенция ООН по морскому праву использует термины «корабль» и «судно» взаимозаменяемо, не давая определений ни одному из терминов. Очевидно, именно вследствие этого в Руководстве США по праву войны на море БМС охарактеризованы не как корабли или суда, а как «аппараты».

Если БМС эксплуатируется вооруженными силами или любым другим государственным органом, они не обязательно должны квалифицироваться как военные корабли или корабли государства, но ввиду того, что либо являются государственной собственностью, либо выполняют исключительно некоммерческие правительственные функции, они пользуются суверенным иммунитетом, и другие государства могут вмешиваться в их работу только в исключительных случаях, например, при международном вооруженном конфликте.

Многие БМС используются в области разведки или океанографии, в то время как другие созданы как средство нападения, например, подводные беспилотные системы для противолодочной войны, противоминных мер или минирования. В тех случаях, когда БМС используются для целей нападения, они квалифицируются как средства ведения войны, и их применение регулируется правилами применения оружия и выбора цели.

– **Использование беспилотных морских систем сегодня регулируется нормами МГП?**

– По аналогии с беспилотными летательными аппаратами использование беспилотных морских систем не отменяет необходимости соблюдения действующих международно-правовых норм, и, прежде всего, нормы I Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.

В соответствии с ним запрещается использовать средства или методы ведения войны, которые причиняют лишние травмы или ненужные страдания; предназначены или могут нанести ширококомасштабный, долговременный и серьезный ущерб природной среде; не могут быть направлены на конкретную военную цель или последствия коих не могут быть ограничены.

Что касается способности оружия быть направленным на конкретную военную цель, следует иметь в виду, что БМС оснащены средствами поражения, использующие те же или похожие технологии, что и, например, современные морские мины или торпеды, которые применяются против целей, идентифицированных магнитными, электромагнитными или другими сигнатурами, что позволяет достаточно надежно определить их как законные военные объекты.

– **Иван Владимирович, каких категорий современных средств ведения войны на море касается сегодня Руководство?**

– Документ касается только трех категорий средств ведения войны на море, которые все, по сути, являются средствами достижения кинетического конечного результата на ТВД, т.е. они взрываются. Таковыми являются: ракеты и другие снаряды; торпеды и мины.

Подход, используемый Руководством в отношении ракет и других снарядов, заключается в принятии правила, которое, в свою очередь, предусматривает, что это вооружение используется в соответствии с принципами распознавания цели. Их суть заключается в проявлении заботы о том, чтобы шадить гражданское население, гражданских лиц и гражданские объекты.

Что касается принципов распознавания целей, изложенных в Правилах 38-46, то они приводятся в части III Руководства, в которой рассматриваются «Основные правила и распознавание целей».

Существует только одно правило, касающееся торпед, и оно просто запрещает использование торпед, которые не тонут и не становятся безвредными после завершения своего действия.

Руководство содержит 13 отдельных правил, касающихся морских мин. Рассматриваются следующие аспекты: обезвреживание/контроль, типы мин, зоны, в которых могут быть установлены мины, регистрация местоположения и разминирования мин, воздействия мин на проход нейтральных судов и обезвреживание мин нейтральными государствами.

Акцент, сделанный на морских минах как средстве ведения войны, возможно, отражает уникальную характеристику этой системы оружия как системы, которая, трудно обнаруживаемая по своей природе, может легко нарушить основополагающий принцип избирательности во время вооруженного конфликта и может оказать непосредственное воздействие на права нейтральных государств.

– **В последнее время рядом стран, в первую очередь США, ведутся разработки в области новых ракетных и снарядных технологий для ведения морских боевых действий, в частности твердотельных лазеров, электромагнитной рельсовой пушки и управляемых снарядов с пушечным пуском, также известных как сверхскоростные снаряды. Предполагается, что они могли бы существенно улучшить способность кораблей ВМС защищаться от надводных кораблей, БПЛА, а также противокорабельных крылатых ракет.**

– Действительно, электромагнитная рельсовая пушка разрабатывается ВМС США с 2005 г. Она использует для стрельбы электричество, а не пороховой заряд.

Также сообщается, что эту технологию разрабатывает и Китай. Диапазон действия подобного оружия составляет сотни километров. Сверхскоростной снаряд – снаряд, выпущенный из стандартной американской 127-мм пушки, имеет дальность около 40 миль и способен перехватывать противолодочные ракеты. Эта технология также известна как «управляемый снаряд с пушечным пуском».

Вопрос в данном случае, заключается в необходимости нового специального правила, касающегося направленного энергетического оружия, или же к нему надо относиться так же, как к ракетам и другим снарядам. В случае последнего Правило 78 можно было бы переформулировать как «ракеты, другие снаряды и направленное энергетическое оружие», и расширить комментарий, включив в него ссылку на Протокол об ослепляющем лазерном оружии.

– **Иван Владимирович, удалось ли экспертам выявить глобальные изменения, поставившие под сомнение целесообразность сохранения Правила 79 Руководства, которое запрещает использовать торпеды, которые в конце боевого хода, не попав в цель, не тонут или не становятся безопасными каким-либо иным образом?**

– Несмотря на то, что технологические усовершенствования в области мощности торпед, скорости, дальности полета, систем управления и автономности продолжают быстрыми темпами, каких-либо конкретных изменений, которые неизбежно поставили бы под сомнение целесообразность сохранения Правила 79, выявить не удалось.

– **Существует целый ряд новых типов морских мин, находящихся в настоящее время на вооружении или поступающих на вооружение. Как они классифицируются? Полностью ли существующие правила регулируют их применение?**

– Во многих отношениях «современная мина (минная система) – это многофункциональное устройство, включающее в себя элементы искусственного интеллекта. Основные типы мин включают в себя: донные мины, которые сохраняют боеспособность более года, а затем могут быть удалены; самоходные мины, где минный модуль – это заряд боеголовки и секция оборудования, в которой размещаются датчики, реагирующие на физические поля цели, оборудование воздействия, источники питания, а также защитные и функциональные устройства. Зона активации взрывателя зависит от его чувствительности к физическим полям, создаваемым кораблем-мишенью, и составляет около 40 миль. Мина взрывается, как только корабль-мишень или подводная лодка-мишень входят в диапазон ее действия, когда интенсивность создаваемых ими физических полей достаточна, чтобы активировать взрывное устройство мины. Еще одни – швартовные мины, где боеголовки размещаются в герметичных пусковых установках, установленных на больших глубинах.

– **Необходимо ли существующие правила дополнить требованием об обязательном указании места, где была заложена мина или где находится мина в конечном итоге?**

– Существующие правила, как представляется, подходят для этой цели, хотя, возможно, потребуется добавить некоторые комментарии, касающиеся, в частности, киберконтроля мин в любой форме, ведения учета мест установки мин в том случае, когда мина является самоходной. Очевидно, что именно последнее представляет собой практически важную информацию для судоходства, поэтому необходимо определить термин «установлена», как место, где мина в конечном итоге оседает с целью выполнения своих целей нападения или для целей морской блокады.

Дополнительное, но отдельное соображение, в связи с Правилем 90, заключается в необходимости включения ссылки на Пятый протокол по взрывоопасным пережиткам войны. Статья 1 Протокола ограничивает его применение «сухопутной территорией, включая внутренние воды Высоких Договаривающихся Сторон». Однако статья 3 гласит, что каждая высокая Договаривающаяся Сторона и сторона в вооруженном конфликте будут нести ответственность в отношении всех взрывоопасных пережитков войны на территории, находящейся под ее контролем. В тех случаях,

когда владелец взрывоопасных боеприпасов, ставших взрывоопасными пережитками войны, не осуществляет контроля над территорией, владелец после прекращения активных боевых действий оказывает, когда это возможно, в частности, техническую, финансовую, материальную или кадровую помощь на двусторонней основе или через взаимосогласованную третью сторону, в том числе через систему Организации Объединенных Наций или другие соответствующие организации, для содействия маркировке и разминированию, удалению или уничтожению таких взрывоопасных пережитков войны.

– **Спасибо за интервью!**

Записал Андрей Козлов.

Богдан Дарья Валерьевна – аспирант кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Email: bohdan.darya@gmail.com

О ПРИНЦИПАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА, ПРИМЕНИМЫХ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ



Все возрастающее увеличение способов использования космического пространства, в том числе развитие военных технологий, применимых в космическом пространстве, обуславливают актуальность рассмотрения вопросов применения принципов международного гуманитарного права к космическому пространству. Определенные примеры лишь подтверждают необходимость выработки юридических решений по восполнению имеющихся пробелов в праве. Например, существует точка зрения о том, что первая «космическая» война уже состоялась: несмотря на то, что война в Персидском заливе не велась в космосе, она в достаточной степени полагалась на космические средства, ввиду чего ее можно назвать таковой¹. Отметим также, что на недавно состоявшейся сессии Четвертого комитета Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (по специальным политическим вопросам и вопросам деколонизации) было уделено внимание мирному использованию космоса, в том числе вопросам применения оружия в космическом пространстве. В частности, обеспокоенность вызывает тестирование противоспутникового оружия, правовое регулирование использования конвенционного оружия в космосе и предотвращения использования оружия в космосе².

Женевские конвенции 1949 г.³, 70-летие которых отмечалось в 2019 г., представляют собой кодифицированное международное гуманитарное право. Вместе с тем нормы, содержащиеся в конвенциях, как правило, территориально обусловлены и регулируют правила ведения вооруженного конфликта на суше и на море.

Кроме того, стоит иметь в виду, что согласно положениям статьи 29 Венской конвенции о праве международных договоров⁴, договор применяется ко всей тер-

¹ Stephens, D., Steer, C., *Conflicts in Space: International Humanitarian Law and Its Application to Space Warfare*, *Annals of Air and Space Law*, Vol. XL, 2015, p. 2.

² Fourth Committee Approves Draft Resolution on Peaceful Uses of Outer Space, as Delegates Conclude General Debate, <https://www.un.org/press/en/2019/gaspd705.doc.htm>.

³ Конвенция (I) об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, заключена в г. Женеве: 12 августа 1949 г.; Конвенция (II) об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море, заключена в г. Женеве: 12 августа 1949 г.; Конвенция (III) об обращении с военнопленными, заключена в г. Женеве: 12 августа 1949 г.; Конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны, заключена в г. Женеве: 12 августа 1949 г.

⁴ Венская конвенция о праве международных договоров, заключена в г. Вене 23 мая 1969 г.

ритории государства-участника, за исключением случаев, когда договором прямо предусмотрена иная сфера его применения. Следовательно, международное гуманитарное право будет распространяться на *территории* государств-участников вооруженного конфликта.

Однако космическое пространство имеет отличный статус от сухопутной и морской территории государства, а также от открытого моря, и имеет особое регулирование в отношении территориальных притязаний государств на космическое пространство и небесные тела.

Применяется ли международное гуманитарное право к космическому пространству как таковому и если да, то в какой части?

В данной связи полагаем целесообразным обратиться к мнению выдающегося ученого в сфере международного гуманитарного права Э. Давида, утверждающего, что «поскольку в ходе международного конфликта вооруженные силы того или иного государства могут быть вынуждены вести боевые действия ... в открытом море, очевидно, что договоры, регулирующие вооруженные конфликты, будут продолжать связывать государство, чьи силы находятся вне пределов его территории»¹. Опираясь на практику Европейской комиссии по правам человека (Кипр против Турции, 1975 г.), Европейского суда по правам человека (Окалан против Турции, 2003 г., Асанидзе против Грузии, 2004 г.), Международного суда Организации Объединенных Наций (Консультативное заключение относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории, в том числе в Восточном Иерусалиме и вокруг него, 2004 г.), Международного трибунала по бывшей Югославии (дело Тадича, 1995 г.), ученый делает вывод, что *международное гуманитарное право применяется к любой ситуации, связанной с конфликтом*².

В то же время действие международных договоров в сфере международного космического права не будет прекращать свое действие. Как отмечает Э. Давид, вооруженный конфликт, сам по себе не прекращает действие международных договоров для участников конфликта за исключением тех, исполнение которых становится невозможным (например, территориальные, о дружбе, торговле, урегулировании конфликтов³).

На основании изложенного видится логичным сделать вывод о том, что в случае вооруженного конфликта международное гуманитарное право будет применяться как к космическим объектам государств, вовлеченных в конфликт, а также к любым действиям названных государств в космическом пространстве, на орбитах небесных тел и на небесных телах.

Участниками Женевских конвенций 1949 г. являются 196 государств мира⁴, при этом статьи 1-3 являются общими для Женевских конвенций 1949 г. В данной связи полагаем возможным начать с анализа данных статей Конвенций.

¹ Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета, Москва: Международный Комитет Красного Креста, 2011. С. 254.

² Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета, Москва: Международный Комитет Красного Креста, 2011. С. 254-257.

³ Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета, Москва: Международный Комитет Красного Креста, 2011. С.78-79.

⁴ State Parties to Convention (I) for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field, concluded in Geneva: 12 August 1949 (<https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Treaty.xsp?documentId=4825657B0C7E6BF0C12563CD002D6B0B&action=openDocument>); State Parties to Convention (II) for the Amelioration of the Condition of Wounded, Sick and Shipwrecked Members of Armed Forces at Sea, concluded in Geneva: 12 August 1949 (<https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Treaty.xsp?documentId=2F5AA9B07AB61934C12563CD002D6B25&action=openDocument>); State Parties to Convention (III) relative to the Treatment of

Статья 1, общая для Женевских конвенций 1949 г., содержит обязательство государств обеспечивать уважение к Конвенциям *во всех обстоятельствах*, на данном основании некоторые авторы делают прямой вывод о применимости международного гуманитарного права в целом к космическому пространству. Возможность применения правовых норм к обстоятельствам, напрямую не записанным в международных договорах, но исходящих из общего принципа гуманности, также поддерживается практикой Международного Суда Организации Объединенных Наций в таких делах, как Дело о проливе в Корфу, Дело, касающееся военных и военного характера действий в Никарагуа и против Никарагуа, Консультативном заключении относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения¹.

Полагаем, что на вооруженные конфликты в космическом пространстве также должно распространяться действие статьи 3, общей для Женевских конвенций 1949 г. (известной также, как Оговорка Мартенса), содержащей общее правило гуманности.

Вместе с тем полностью распространить действие всех положений Женевских конвенций 1949 г. на вооруженные конфликты в космическом пространстве не представляется возможным, поскольку каждая из конвенций обладает своей сферой применения.

В то же время действие *принципов международного гуманитарного права* носит универсальный характер, и они применимы к вооруженному конфликту как таковому, вне зависимости от места ведения боевых действий.

Так, многие авторы поддерживают мнение о том, что к вооруженным конфликтам в космическом пространстве применимы такие принципы международного гуманитарного права, как принцип различия², принцип пропорциональности³, принцип военной необходимости⁴.

Стоит отметить, что фактически действие данных принципов уже регламентировано международным космическим правом. Так, небесные тела, включая Луну, объявлены полностью демилитаризованными зонами, на которых запрещается создание «военных баз, сооружений, укреплений, испытание любых типов оружия и проведение каких-либо маневров» (пункт 4 статьи 3 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах, открытого для подписания 18 декабря 1979 г. (далее – Соглашение о Луне)⁵). Следовательно, любые объекты на Луне и не-

Prisoners of War, concluded in Geneva: 12 August 1949 (<https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Treaty.xsp?documentId=77CB9983BE01D004C12563CD002D6B3E&action=openDocument>); State Parties to Convention (IV) relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War, concluded in Geneva: 12 August 1949 (<https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Treaty.xsp?documentId=77CB9983BE01D004C12563CD002D6B3E&action=openDocument>)

¹ Stephens, D., Steer, C., *Conflicts in Space: International Humanitarian Law and Its Application to Space Warfare*, *Annals of Air and Space Law*, Vol. XL, 2015, p. 10-11.

² Stephens, D., Steer, C., *Conflicts in Space: International Humanitarian Law and Its Application to Space Warfare*, *Annals of Air and Space Law*, Vol. XL, 2015, p. 14-21; Jie, L., How does IHL apply in outer space and which challenges exist for applying existing rules in outer space?, 42nd Round Table on Current Issues of International Humanitarian Law on the 70th Anniversary of the Geneva Convention, p. 2-4.

³ Stephens, D., Steer, C., *Conflicts in Space: International Humanitarian Law and Its Application to Space Warfare*, *Annals of Air and Space Law*, Vol. XL, 2015, p.21-27; Jie, L., How does IHL apply in outer space and which challenges exist for applying existing rules in outer space?, 42nd Round Table on Current Issues of International Humanitarian Law on the 70th Anniversary of the Geneva Convention, p.4-5.

⁴ Stephens, D., Steer, C., *Conflicts in Space: International Humanitarian Law and Its Application to Space Warfare*, *Annals of Air and Space Law*, Vol. XL, 2015, p.27-30.

⁵ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах. Принято резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН от 5 декабря 1979 г.

бесных телах априори должны считаться гражданскими — действие принципа различия между гражданскими и военными объектами.

Отдельные ограничения касаются ядерного оружия и оружия массового уничтожения: запрещается выводить подобное оружие на орбиту вокруг Земли, Луны, иных небесных тел, устанавливать и использовать такое оружие на Луне и небесных телах, либо в их недрах, а также размещать подобное оружие в космическом пространстве (часть первая статьи IV Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (далее — Договор по космосу)¹, пункт 3 статьи 3 Соглашения о Луне). По нашему мнению, данные ограничения отражают функционирование принципа пропорциональности и принципа военной необходимости.

Как было указано выше, международное гуманитарное право применяется во всех случаях и пространствах, где происходит вооруженный конфликт. Однако применительно к космическому пространству важно иметь в виду, что международное гуманитарное право выступает специальным дополнением по отношению к международному космическому праву, *которым регулируется сама возможность размещения и использования определенных видов оружия*. Таким образом, учитывая имеющееся регулирование международным космическим правом, невозможно вести вооруженный конфликт на небесных телах ввиду их демилитаризованности. С нашей точки зрения, вооруженный конфликт в космосе изначально будет ограничен самим космическим пространством и космическими объектами, размещенными в нем (космическими станциями, космическими кораблями и так далее).

В то же время специфика космической деятельности обуславливает определенные сложности по применению принципов международного гуманитарного права. Например, если уничтожение спутника соответствует принципу военной необходимости, будет ли оно соответствовать принципу различия и принципу пропорциональности? Ведь ущерб от космического мусора (от уничтоженного спутника) может быть нанесен как гражданским объектам, так и явиться значительно большим по сравнению с уничтожением спутника.

В данном случае полагаем целесообразным отметить следующее. Такое уничтожение спутника, которое приводит к появлению *неконтролируемого* космического мусора, будет являться нарушением принципа пропорциональности. Принимая во внимание имеющиеся на сегодняшний день технологии, сложно говорить о безопасном (с точки зрения принципа пропорциональности) уничтожении спутников как минимум на низкой околоземной орбите. Известно, что международная космическая станция, высота орбиты которой составляет 408 км, регулярно осуществляет маневры от космического мусора. Учитывая расширение космической деятельности человечества, проблематично говорить и об абсолютном отсутствии опасности от уничтожения спутников с порождением неконтролируемого космического мусора на геостационарной орбите и на более дальних орбитах, поскольку невозможно отследить и предугадать траектории данного мусора, могущие оказать влияние на последующие запуски и траектории новых космических объектов.

Соответствует ли таким принципам международного гуманитарного права, как принцип различия и военной необходимости, атака на модуль космической станции, принадлежащей стороне вооруженного конфликта А при условии, что данным модулем наравне с персоналом стороны вооруженного конфликта Б также пользуется гражданский персонал государств В, Г, Д?

В целях рассмотрения данного правового вопроса полагаем целесообразным обратиться к Договору по космосу и Соглашению между правительством Канады,

¹ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеей ООН от 19 декабря 1966 г.

Правительствами государств-членов Европейского космического агентства, Правительством Японии, Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения (далее – Соглашение о МКС)¹ как единственному на настоящий момент международному договору, регулирующему уникальную по своей сути и функционированию космической станции.

В соответствии с положениями статьи XII Договора по космосу «все станции, установки, оборудование и космические корабли на Луне и на других небесных телах открыты для представителей других государств-участников настоящего Договора на основе взаимности». Комментарии к статье XII Договора по космосу уточняют, что понятие «открыты ... на основе взаимности» не означает право дискреции государства разрешить, либо отказать, а должно толковаться как обязанность предоставить доступ; исключение составляет ситуация, когда запрашивающее доступ государство само отказывает в доступе на свои объекты на основе принципа взаимности². Как мы обратили внимание выше, по своей сути нормы международного космического права запрещают использование оружия на небесных телах, ввиду чего как атака, так и ограничение использования космического объекта на небесном теле в период вооруженного конфликта невозможны. В данной связи атаку на подобные объекты, размещенные на небесных телах, следует расценивать как нарушение принципа различия и принципа военной необходимости.

Сейчас полагаем возможным перейти к рассмотрению регулирования использования составных частей космических объектов на примере Соглашения о МКС. Пунктом 5 статьи 9 названного Соглашения устанавливается обязанность партнеров обеспечивать другим партнерам «доступ к своим элементам космической станции и возможность их использования согласно их соответствующей части выделенных им пользовательских элементов и ресурсов». При этом юрисдикция и контроль над элементами, зарегистрированными партнером, сохраняется за ним (пункт 2 статьи 5 Соглашения о МКС).

Применительно к данным положениям полагаем целесообразным отметить, что в контексте Соглашения о МКС (либо иного подобного соглашения в будущем) возникновение вооруженного конфликта между сторонами такого соглашения, по нашему мнению, стоит считать коренным изменением обстоятельств по смыслу статьи 62 Венской конвенции о праве международных договоров и одним из обстоятельств, прекращающим действие международного договора. Таким образом, в период вооруженного конфликта возможно наложить запрет на пользование элементами космической станции партнера А противоположной стороне вооруженного конфликта Б ввиду ссылки на коренное изменение обстоятельств. В то же время по отношению к иным партнерам по подобным космическим объектам (государствам В, Г, Д), не вовлеченным в вооруженный конфликт ни с одной стороны, право пользования элементами государства А и Б и обязанность государств А и Б предоставлять такой доступ должны сохраняться беспрепятственно.

Следовательно, при отсутствии достоверных доказательств отсутствия на объекте государства А или Б персонала государств В, Г, Д атака на модули государств А и Б противоположной стороной вооруженного конфликта будет являться нарушением принципа различия и принципа военной необходимости, поскольку может ставить под угрозу безопасность гражданского персонала.

¹ Соглашение между Правительством Канады, Правительствами государств-членов Европейского космического агентства, Правительством Японии, Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения, заключено в г. Вашингтоне 29 января 1998 г.

² Hobe, S., Schmidt-Tedd, B., Schrogl, K.-U. (ed.), Goh, G. (assist ed.), *Cologne Commentary on Space Law, Vol. I, Outer Space Treaty*, Köln, Wolters Kluwer Deutschland GmbH, 2009, p.210-211.

Пожалуй, еще один из важнейших вопросов в сфере применения международного гуманитарного права к космической деятельности, теряет ли космонавт статус «посланника человечества в космос» согласно статье V Договора по космосу для представителей противоположной воюющей стороны и является ли он комбатантом в свете принципов международного гуманитарного права (в первую очередь, принципа различия и гуманности) и непрекращающихся на период вооруженного конфликта обязательств по международному космическому праву.

Разделяем точку зрения о том, что вооруженный конфликт может считаться коренным изменением обстоятельств по смыслу Венской конвенции о праве международных договоров и в данной связи космонавт становится комбатантом в случае, когда выполняет военные действия¹. Таким образом, в период вооруженного конфликта космонавт автоматически не становится комбатантом, а является таковым после оценки его действий (военные, либо гражданские) в каждом конкретном случае.

Вместе с тем остаются и сохраняются иные заслуживающие внимания вопросы.

Согласно положениям пункта 3 статьи 44 Первого Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающимся защиты жертв международных вооруженных конфликтов² (далее — Первый Дополнительный протокол) комбатанты обязаны отличать себя от гражданского населения во время подготовки к нападению и самого нападения для защиты гражданского населения. Если же ввиду характера военных действий сохранить знаки отличия невозможно, комбатант должен открыто носить оружие во время каждого военного столкновения, либо во время нахождения на виду у противника во время подготовки военного нападения, в котором он будет участвовать.

Как мы с вами видим, первая часть — это форма. Применительно к современному развитию технологий, имеет смысл вести речь о Международной космической станции. Но на МКС одежда астронавтов одинакова. Единственное различие — нашивки флагов, иногда цвет «рабочих комбинезонов», но, по своей сути, это все равно стандартная одинаковая одежда. Гипотетически, даже среди двух космонавтов или астронавтов одного государства в данных условиях нельзя различить гражданского и военного. Конечно, можно привести аргумент и о том, что на МКС работают только 6 человек и они уж точно знают друг друга в лицо, и кто чем занимается.

Второй аспект — открытое ношение оружия. Это может быть опасно и для самого комбатанта, а не только для его жертвы. В данной связи, полагаю, что, опираясь на общее благоразумие и исходя из обеспечения собственной безопасности, комбатанты будут стараться пренебрегать этой необходимостью.

В отношении оружия стоит обратить внимание и на положение пункта 3 статьи 65 Первого Дополнительного протокола: ношение личного оружия гражданским населением в целях поддержания порядка разрешается, это не переводит носящих такое оружие лиц из «гражданского населения» в «комбатантов». При этом если будут бои, следует ограничить гражданское население таким легким оружием, как пистолеты и револьверы. «Даже если персонал гражданской обороны носит другие виды легкого личного оружия в таких районах, он, тем не менее, пользуется уважением и защитой, как только он опознан в качестве такового».

Таким образом, в условиях вооруженного конфликта такое пристальное внимание отдается знакам отличия комбатантов от гражданского населения исключительно для обеспечения защиты последних.

¹ Morozova, M. Limits imposed by outer space law on military operations in outer space, 42nd Round Table on Current Issues of International Humanitarian Law on the 70th Anniversary of the Geneva Convention, p.11-12.

² Первый Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, принят на дипломатической конференции в г. Женеве 8 июня 1977 г.

На основании изложенного стоит сделать следующие выводы. Международное гуманитарное право применимо к деятельности в космическом пространстве как к любой ситуации, связанной с вооруженным конфликтом вне зависимости от места его проведения. В то же время вопросы размещения и использования оружия в космическом пространстве регулируются международным космическим правом, ввиду чего ведение вооруженного конфликта на небесных телах невозможно — они являются демилитаризованными зонами.

Рассматривая конкретный круг норм международного гуманитарного права, полагаем возможным ограничить их статьями 1-3, общими для Женевских конвенций 1949 г., принципом различия, принципом пропорциональности, принципом военной необходимости.

С учетом имеющегося правового регулирования в сфере международного космического права и международного гуманитарного права существует неоднозначная ситуация: с одной стороны, имеются правовые нормы, четко регламентирующие возможности использования оружия в космосе, в том числе в период вооруженного конфликта как по его видам, так и в «географическом» аспекте, а также доступа на объекты противоположных сторон вооруженного конфликта; с другой — вопросы отнесения космонавтов к комбатантам все еще остаются недостаточно разрешенными и требуют дальнейшего исследования.

Дарья Богдан.

ЛИТЕРАТУРА

Stephens, D., Steer, C., Conflicts in Space: International Humanitarian Law and Its Application to Space Warfare, *Annals of Air and Space Law*, Vol. XL, 2015, p. 1-32.

Fourth Committee Approves Draft Resolution on Peaceful Uses of Outer Space, as Delegates Conclude General Debate, <https://www.un.org/press/en/2019/gaspd705.doc.htm>.

Конвенция (I) об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, заключена в г. Женеве: 12 августа 1949 г.

Конвенция (II) об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море, заключена в г. Женеве: 12 августа 1949 г.

Конвенция (III) об обращении с военнопленными, заключена в г. Женеве: 12 августа 1949 г.

Конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны, заключена в г. Женеве: 12 августа 1949 г.

Венская конвенция о праве международных договоров, заключена в г. Вене 23 мая 1969 г.

Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета, Москва: Международный Комитет Красного Креста, 2011, 1144 с.

State Parties to Convention (I) for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field, concluded in Geneva: 12 August 1949 (<https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Treaty.xsp?documentId=4825657B0C7E6BF0C12563CD002D6B0B&action=openDocument>.)

State Parties to Convention (II) for the Amelioration of the Condition of Wounded, Sick and Shipwrecked Members of Armed Forces at Sea, concluded in Geneva: 12 August 1949 (<https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Treaty.xsp?documentId=2F5AA9B07AB61934C12563CD002D6B25&action=openDocument>)

State Parties to Convention (III) relative to the Treatment of Prisoners of War, concluded in Geneva: 12 August 1949 (<https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Treaty.xsp?documentId=77CB9983BE01D004C12563CD002D6B3E&action=openDocument>)

State Parties to Convention (IV) relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War, concluded in Geneva: 12 August 1949 (<https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Treaty.xsp?documentId=77CB9983BE01D004C12563CD002D6B3E&action=openDocument>)

Jie, L., How does IHL apply in outer space and which challenges exist for applying existing rules in outer space?, 42nd Round Table on Current Issues of International Humanitarian Law on the 70th Anniversary of the Geneva Convention, p. 6.

Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах. Принято резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеей ООН от 5 декабря 1979 г.

Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеей ООН от 19 декабря 1966 г.

Соглашение между правительством Канады, Правительствами государств-членов Европейского космического агентства, Правительством Японии, Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения, заключено в г. Вашингтоне 29 января 1998 г.

Hobe, S., Schmidt-Tedd, B., Schrogl, K.-U. (ed.), Goh, G. (assist ed.), Cologne Commentary on Space Law, Vol. I, Outer Space Treaty, K In, Wolters Kluwer Deutschland GmbH, 2009, p. 256.

Morozova, M. Limits imposed by outer space law on military operations in outer space, 42nd Round Table on Current Issues of International Humanitarian Law on the 70th Anniversary of the Geneva Convention, p.14.

Первый Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, принят на дипломатической конференции в г. Женеве 8 июня 1977 г.

Заневская Наталья Андреевна – преподаватель кафедры военного права Военного университета Министерства обороны РФ.

Email: zan_natalia@mail.ru

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОБРАЩЕНИЯ С ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ, ПОГИБШИМИ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА



Женевскими конвенциями 1949 г. на государство, выступающее стороной в конфликте, возлагается ряд обязанностей в отношении погибших военнослужащих противника. Устанавливая общий порядок обращения с телами, данные международные правовые акты предусматривают определенные особенности в зависимости от статуса умершего и особенностей территории, на которой обнаружено тело.

Обязанности в отношении тел (останков) умерших возникают в двух случаях. В первом случае – по итогам проведения розыска мертвых, в том числе, на поле боя. Во втором – в результате смерти лица, захваченного в плен. Принимая во внимание принципиальные различия этих двух ситуаций, Женевские конвенции делают акценты на проведении отдельных процедур, исходя из характера причин смерти военнослужащего и окружающей обстановки.

Выявлению особенностей правового регулирования будет способствовать проведение сравнительного анализа каждого из этапов, предшествующих погребению лица.

Со взятием военнослужащих в плен, государство (Держава) неизбежно сталкивается с обязанностью гуманного обращения и ухода с военнопленными (ст.12)¹. Именно поэтому, в случае смерти последнего, критическим является выяснение вопроса о причине его смерти. В том случае, если смерть наступила по неизвестным причинам или есть основания предполагать насильственный характер смерти, государство, державшее военнослужащего в плену, обязано незамедлительно открыть официальное следствие по данному факту. Принимая во внимание запрет совершения незаконных актов или бездействия со стороны державшей в плену Державы, приводящих к смерти военнопленного, следствие будет в обязательном порядке проводиться не только в случае наличия подозрения в причинении смерти другим военнопленным, но и любым лицом, включая часовых и иных лиц Державы, державшей умершего в плену.

Констатация смерти военнопленного производится по итогам обязательного медицинского осмотра. Анализ положений Женевских конвенций не позволяет сделать однозначный вывод о государственной принадлежности лиц, проводящих его. Тем не менее, учитывая требование составлять извещение о смерти на нескольких языках (двух или трех), в числе которых и родной язык военнопленного, можно прийти к выводу о целесообразности привлечения к проведению осмотра медицинского персонала, принадлежащего к вооруженным силам, за которыми числился пленный.

¹ Женевская конвенция об обращении с военнопленными 1949 г.

В ходе медицинского осмотра, необходимым является не только констатация смерти, но и установление места, даты, причины и обстоятельств ее наступления, что вытекает из положений Приложения IV Женевской конвенции об обращении с военнопленными. Полнота данных, полученных в ходе такого осмотра, будет на порядок отличаться от тех данных, что могли бы быть собраны при проведении патологоанатомического вскрытия. Тем не менее, возможный большой объем потерь среди военнослужащих Держав, находящихся в конфликте, требуют задействования значительного объема ресурсов в кратчайшие сроки для исполнения обязанностей государства в отношении умерших в условиях вооруженного конфликта. Это не позволяет на данном этапе развития технологий ставить вопрос о возложении на Державы обязанности проведения патологоанатомического вскрытия тел умерших (погибших) военнослужащих вместо установленной в настоящее время обязанности проведения осмотра.

Основываясь на положениях статьи 15 Женевской конвенции об обращении с военнопленными в части установления бесплатного обеспечения пленных врачебной помощью и оговорке Мартенса, справедливым будет распространить действие указанной статьи и на случаи проведения медицинского осмотра останков военнослужащего, находящегося в плену, и сделать заключение о бесплатности проведения такого мероприятия. Следовательно, взимание платы ни со стороны другой Державы, ни со стороны родственников умершего (в том числе удержания денежных средств или вещей умершего) недопустимо.

В то же время, при обнаружении тела военнослужащего, не являвшегося при жизни военнопленным, то есть не относящегося к предыдущей группе, характер смерти лица перестает иметь существенное значение. Нахождение на поле боя тела лица, погибшего вследствие полученных ранений и травм, не влечет обязанности возбуждения дела и проведения следствия.

Обязанность проведения медицинского осмотра при обнаружении тела по-прежнему сохраняется, но перестает носить строго императивный характер: такой осмотр должен иметь место лишь при наличии возможности его проведения. Вопрос необходимости проведения какого-либо визуального осмотра останков при недоступности медицинского персонала решается однозначно в пользу его проведения. Отметим, что он не должен носить формальный характер, а должен проводиться внимательно, результаты его проведения — фиксироваться в установленных документах. Разумеется, лица, не обладающие медицинскими знаниями, в ряде случаев не смогут с уверенностью определить причину смерти. Тем не менее, осмотр тела лицами, не относящимися к медицинскому персоналу, является предпочтительным в сравнении с его отсутствием.

Временные границы проведения медицинского осмотра и фиксации данных о погибших весьма размыты. С одной стороны, обязанность лишь регистрировать данные, способствующие установлению личности умерших неприятельской стороны, позволяет избегать «распыления» сил и средств медицинской службы концентрируя их на решение ее прямых задач¹, не требующих отлагательств (оказание медицинской помощи раненым и больным). С другой стороны, такая формулировка позволяет откладывать сбор перечисленных данных на неопределенное время, что окажет влияние на полноту сведений или вовсе будет способствовать их искажению или утрате.

Характер отражения ряда необходимых данных в отношении тел, найденных на поле боя, проявляется как более расплывчатый, в сравнении с характером фиксации данных, собранных в отношении тел военнопленных. Так, формулировка о фикса-

¹ Яковлев С.В., Волгин А.Р., Холиков И.В. Работа сил и средств службы медицины катастроф Минобороны России по ликвидации медико-санитарных последствий чрезвычайных ситуаций. Учебно-методическое пособие. Москва, 2008.

ции «сведений, касающихся ранений, болезни или причины смерти» дает возможность избежать указания истинной причины смерти, внося нечеткие, неясные формулировки.

Полнота, беспристрастность, целостность отражения вносимых сведений зависит не только от времени сбора данных и профессионализма лиц, осуществляющих их сбор и документирование, но и от соблюдения ими морально-этических предписаний. Если на медицинский персонал возлагается обязанность соблюдения ряда этических норм как международным, так и национальным законодательством¹, то иные лица, допущенные во время вооруженного конфликта к проведению осмотра тел мертвых, указанные обязанности не несут и могут быть ознакомлены с подобными требованиями лишь отчасти. В связи с этим резонно ставить вопрос о возложении на государства обязанности проводить в рамках подготовки по выполнению норм международного гуманитарного права обучение военнослужащих вопросам обращения с телами умерших с точки зрения требований медицинских стандартов и морально-этических предписаний.

В зависимости от статуса лица и обстоятельств наступления его смерти по-разному решается вопрос с юридической судьбой его опознавательного медальона.

Обратим внимание, что международными нормативными правовыми актами государствам предусматривается возможность разрабатывать несколько видов опознавательных медальонов. Это может быть медальон, состоящий из одной части (ординарный), либо из двух частей с содержащейся на каждой из них идентичной информацией и имеющий возможность отделения одной части от другой (двойной опознавательный медальон).

Возникающий вопрос об оставлении опознавательного медальона на теле или передаче его через посредство Справочного Бюро Державе-Покровительнице решается следующим образом. В случае нахождения тела на суше ординарный медальон оставляется на теле военнослужащего и подлежит погребению вместе с ним; если медальон двойной: одна половина следует судьбе тела, как и в случае ординарного медальона (подлежит захоронению в землю или сжиганию вместе с останками), вторая половина вместе с завещанием, другими документами и иными предметами, имеющими объективную или субъективную ценность и значение для семьи умершего направляются² Державе, за которой числился умерший военнослужащий.

В случае обнаружения тела в море при решении вопроса о судьбе опознавательного медальона руководствоваться следует Женевской конвенцией об улучшении участи раненых больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооружённых сил на море 1949 г. Правило, закрепленное в данном акте, указывает на противоположный порядок действий: сам опознавательный медальон, если он ординарный, вместе с другими документами и вещами в запечатанном пакете с описью находящихся в нем предметов будет пересылаться другой стороне конфликта, а не оставляться на теле военнослужащего, как в предыдущем случае³. При наличии двойного опознавательного медальона, как и в положениях предыдущей Женевской конвенции, одна половина оставляется на теле, а другая направляется Державе (ст.19, 20).

При погребении военнослужащих противника необходимо относиться к их останкам с честью, а церемонии похорон проводить согласно обрядам религии. Совокупность всех устанавливаемых международными правовыми актами требований предлагается именовать «достойным обращением с телами мертвых».

¹ Kholikov I.V., Sazonova K.L. Ethical Challenges for Military Health Care Personnel. Edited by Daniel Messelken and David Winkler New York, 2018. С. 38-51.

² Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 г. Ст. 16

³ Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море 1949 г. Ст. 19

Достойное обращение с телами (останками) проявляется, с одной стороны, в запрещении определенных действий. В частности, недопустимо применение мин-ловушек каким-либо образом соединённых или ассоциирующихся с мертвыми, местами их захоронения или кремации, либо могилами¹. Такой запрет позволяет предотвратить наступление необратимых последствий в отношении останков в виде их полного или частичного уничтожения и, как следствие, невозможности установления личности умершего. В то же время, он направлен на защиту как гражданских лиц, совершающих гуманные поступки, так и военнослужащих, исполняющих возложенные на них обязанности в виде поиска и сбора тел.

С другой стороны, достойное отношение предполагает определенный уровень обращения с умершими и местами их захоронения. Закрепленное правило производить необходимые действия с телом умершего с честью относится лишь к погребению, в то время как данная церемония является лишь одним из заключительных этапов при предании тела земле или огню. Опознание умершего, подготовка тела, транспортировка — проведение этих стадий с честью может подразумеваться, но четко не зафиксировано в Женевских конвенциях. Дополнительную сложность представляет отсутствие легального определения термина «честь» и перечня проводимых уполномоченными лицами действий, свидетельствующих о ее наличии.

Указание на обязанность осуществлять погребение военнослужащих противника с честью не может подразумевать проведение церемонии отдания воинских почестей, так как такое погребение осуществляется лишь в отношении лиц, имеющих заслуги перед Российской Федерацией.

Погребение согласно религиозному ритуалу также может быть сопряжено с рядом трудностей: начиная от отсутствия знания уполномоченными лицами соответствующих обрядов до невозможности их соблюдения в условиях вооруженного конфликта. В силу перечисленного, проведение этих обрядов ставится в зависимость от наличия потенциальной возможности их осуществления. Исходя из сказанного, можно прийти к выводу о рекомендательном характере этой части нормы, игнорирование которой не будет признаваться нарушением государством принятых на себя обязательств.

За военнопленными закрепляется возможность реализации ими своего права на избрание формы погребения в случае наступления смерти. В своем прижизненном волеизъявлении они могут реализовать указанное право лишь частично: выбрав захоронение в землю или предание тела огню, так как захоронение в воду в условиях вооруженного конфликта производится в исключительных случаях и лишь по решению уполномоченных лиц.

Если это распоряжение будет содержаться в завещании, требования к его форме будут регламентироваться ст. 120 Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г. Согласно указанной норме, условия действительности завещания регулируются законодательством родины военнопленного. Соблюдению установленных национальным законодательством требований в отношении соблюдения условий действительности таких сделок способствует возложение на государство двух обязанностей. Первая обязанность заключается в проведении с военнослужащими, в том числе с военно-медицинским персоналом, обучения правильности применения норм международного гуманитарного права². Вторая — в доведении до сведения держащей в плену Державы установленных условий действительности завещаний.

Военнослужащий также может изъявить свою волю только относительно судьбы своих останков без решения вопроса о посмертном распоряжении своим имуще-

¹ Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие 1980 г. П. 2 ст. 6

² Холиков И.В. Правовое обеспечение международного сотрудничества в области медицины и здравоохранения в условиях чрезвычайных ситуаций (монография). Москва, 2007. 260 с.

ством. В таком случае речь может идти не о составлении завещания, а о совершении отдельного волеизъявления на случай смерти. В этом случае применение статьи 120 Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г. будет невозможным и в каждом конкретном случае необходимо ставить вопрос о применимом праве.

Проводить погребение вправе лишь уполномоченные лица, что вытекает из положения п. 2 ст. 17 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12.08.1949 г., касающегося защиты жертв международных конфликтов от 08.06.1977 г. На основании данного положения сторона, участвующая в конфликте, вправе обращаться с просьбой к местному населению проводить розыск мертвых и сообщать об их местонахождении. Перемещение неуполномоченными лицами останков лишь будет способствовать усложнению сбора информации о погибшем: установлению места гибели, нахождению элементов обмундирования, в том числе опознавательного медальона, личных вещей, что может стать решающим при определении не только личности военнослужащего, но и страны его происхождения. Несанкционированное погребение же будет препятствием для исполнения возложенных Женевскими конвенциями обязательств государства как в части установления причин наступления смерти лица, так и обозначения могил и ухода за ними.

Перемещение тел умерших предусмотрено лишь в случае обнаружения их в море. Но, как и положения ст.17 Дополнительного протокола, положения ст. 21 Женевской конвенции «Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море» не позволяют стороне, находящейся в конфликте, снимать с себя обязанности в отношении тел погибших и возлагать их на третьих лиц, таких как местное население (при нахождении ими тел на суше) или на капитанов нейтральных судов, яхт и мелких судов (при обнаружении тел на море).

Захоронение в землю считается наиболее благоприятной и наиболее применимой формой погребения, в то время как кремация может производиться лишь в исключительных случаях. Предание огню применяется по религиозным мотивам, по настоятельным соображениям гигиены, а в случаях кремации военнопленного и по его ясно высказанному волеизъявлению. При этом, случаи кремации по санитарно-эпидемиологическим причинам Женевскими конвенциями не регулируются, а сам порядок обращения с телами военнослужащих, умерших, например, от инфекционных заболеваний, специально не регламентируется и остается на усмотрение страны, проводящей захоронение.

При кремации пепел должен сохраняться до момента решения его юридической судьбы родиной умершего военнопленного¹. Такое хранение может осуществляться путем захоронения урны с пеплом в землю или помещением ее в колумбарий.

Как захоронение в землю, так и содержание пепла необходимо производить в отдельных урнах во избежание смешения пепла, оставшегося после кремации разных лиц. Следовательно, развеивание пепла недопустимо.

Группировку захоронений при их размещении предписано проводить в зависимости от страны происхождения военнослужащих, что существенно отличается от обычной практики погребения в мирное время: по религиозному, профессиональному (при создании на кладбищах участков воинских захоронений) признаку.

Женевские конвенции закрепляют и уровень должного отношения к местам захоронения, выражающийся в проявлении уважения к могилам погребенных и содержания их в порядке, причем эти категории устанавливаются равнозначными и не соотносятся как общее и частное.

Значение и сущность категории «содержание могил в порядке» в тексте международных нормативных актов не раскрывается, отсутствует и примерный перечень мероприятий, обязательных для проведения. Перечень последних может быть до-

¹ Женевская конвенция об обращении с военнопленными 1949 г. Ст. 120.

статочно широким и включать не только поддержание в чистоте места погребения и прилегающей территории, но и установку надмогильного сооружения, его регулярный ремонт; благоустройство мест захоронения. Возложение со стороны мирового сообщества на государство столь трудновыполнимых в условиях вооруженного конфликта и ресурсно-затратных обязанностей не будет способствовать улучшению отношения к останкам умершим и местам их погребения. Скорее наоборот: не имея возможности соблюдать эти обязанности, власти государства могут вовсе перестать должным образом содержать могилы. Даже установление обязанности содержать могилы согласно требованиям страны происхождения умершего военнослужащего может тяжелым бременем ложиться на государство, осуществляющее погребение как экономически, так и процедурно. Принимая во внимание все указанное, тем не менее, мы не считаем правильным вовсе отказываться от регламентации этого вопроса в рамках международных конвенций. Более корректным представляется установить правило, согласно которому обращение с останками и местами погребения, не урегулированное напрямую конвенциями, будет считаться надлежащим, если оно будет соответствовать обращению с телами военнослужащих своей Державы. При этом следует регламентировать выбор мест погребения, разработав санитарно-гигиенические правила.

Ответственность за уход за могилами изначально возлагается на Державу, осуществившую погребение лица. В случае перехода контроля над территорией, на которой располагается место погребения, к другой Державе, ей вменяется обязанность производить соответствующий уход за могилами, но лишь в случае, когда Держава является участницей Женевской конвенции об обращении с военнопленными.

Захоронение не во всех случаях является окончательным: останки могут быть эксгумированы и перемещены. Эксгумация может проводиться как в целях установления личности и причин смерти, так и для перезахоронения. Последнее производится либо в соответствии с пожеланиями Державы, за которой числился военнослужащий, либо согласно законодательству страны места нахождения могилы (когда в установленный срок такое пожелание не высказано).

Проведенный анализ позволяет нам сформулировать ряд принципов, применяемых при погребении военнослужащих, погибших в условиях вооруженного конфликта:

1. Принцип достойного обращения с телами.
2. Принцип установления причины смерти, проявляющийся в соблюдении сторонами обязанности привлекать медицинский персонал для ее определения и отражения в соответствующих документах.
3. Принцип обязательного предания тела земле. Проявляется в неукоснительном требовании утилизации тела (останков) лица в одной из форм погребения: захоронения в землю или предания огню (кремации), захоронения в воде. Преимущество отдается первой форме в связи с возможностью последующей эксгумации, проведения медицинских мероприятий, установления личности.
4. Принцип проведения погребения уполномоченными лицами.
5. Принцип захоронения каждого тела отдельно от останков других лиц, отражающийся в указании производить погребения при наличии возможности в отдельных могилах.
6. Индивидуализация захоронения. Данный принцип выражен в возложении обязанности проводить обозначения мест погребения таким образом, чтобы их всегда можно было разыскать. Это подразумевает, во-первых, что места погребения будут обозначены на местности. Так как надмогильные опознавательные знаки могут быть подвергнуты уничтожению, целесообразным представляется размещать информацию о захороненном лице в месте его погребения. Этой цели и служит практика оставления опознавательного жетона на теле умершего. Во-вторых, информация

о местоположении могил будет отражена в документах Державы, производившей захоронение, а также в ряде документов, направляемых установленным порядком Державе-покровительнице.

Таким образом, погребение военнослужащих противника выполняет ряд функций.

В первую очередь, проведение захоронений военнослужащих противника выполняет санитарно-эпидемиологическую функцию, направленную на недопущение возникновения и развития факторов, оказывающих негативное воздействие на человека, создающих угрозу жизни и здоровью его и его потомков или наносящих вред окружающей среде¹.

Морально-нравственная функция погребения подразумевает ограждение тел мертвых от возможных противоправных действий, направленных как непосредственно на останки (надругательство над телами умерших; использование для маскировки мин и др.), так и на предметы, находящиеся на теле умершего или иные, принадлежащие этому лицу при жизни (мародерство).

В то же время ряд функций, свойственных церемонии погребения в мирное время, либо ощутимо теряет свое значение, либо полностью утрачивает его. Прежде всего, это явление отражается на функции увековечения, под которым мы понимаем целенаправленное сохранение в памяти потомков информации о лице. Также уменьшается роль ритуальной функции, которая свойственна воинскому обряду погребения, проводимого в отношении военнослужащих собственной страны.

Наталья Заневская.

ЛИТЕРАТУРА

Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 г.

Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море 1949 г.

Женевская конвенция об обращении с военнопленными 1949 г.

Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие 1980 г.

Холиков И.В. Правовое обеспечение международного сотрудничества в области медицины и здравоохранения в условиях чрезвычайных ситуаций (монография). Москва, 2007. 260 с.

Холиков И.В., Сазонова К.Л. Международно-правовые аспекты ответственности государств и международных организаций за распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний // Военно-медицинский журнал. 2015. № 2 (Т. 336). С. 93-95.

Яковлев С.В., Волгин А.Р., Холиков И.В. Работа сил и средств службы медицины катастроф Минобороны России по ликвидации медико-санитарных последствий чрезвычайных ситуаций. Учебно-методическое пособие. Москва, 2008.

Kholikov I.V., Sazonova K.L. Ethical Challenges for Military Health Care Personnel. Edited by Daniel Messelken and David Winkler New York, 2018. С. 38-51.

¹ Холиков И.В., Сазонова К.Л. Международно-правовые аспекты ответственности государств и международных организаций за распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний // Военно-медицинский журнал. 2015. № 2 (Т.336). С. 93-95

Лебедев Александр Владимирович – военный журналист, аспирант Московского педагогического государственного университета.

Email: lebed74@list.ru

ШТОРМ НА РЫНКЕ ПРЕССЫ УГРОЖАЕТ СВОБОДЕ СЛОВА. Современное состояние и перспективы развития печатных СМИ в условиях формирования информационного общества в начале XXI в.

Первое десятилетие XXI века стало рубежным этапом для традиционных печатных СМИ. Неуклонно развивающиеся по восходящей линии в течение предыдущих двух столетий бумажные газеты и журналы – этот столп традиционной журналистики – в новом веке столкнулись с вызовом, перед которым до этого никогда не стояли. И вызов этот носит принципиальный характер. Впору ставить гамлетовский вопрос «Быть или не быть?» для всего рынка печатной прессы. Бумажная журналистика поставлена сегодня в условия жесткой конкуренции с новыми электронными медиа, в основе которых лежат бурно развивающиеся интернет-технологии. Причем даже технологические и научные прорывы XX века, результатом которых стало появление эфирного радио и телевидения – новых, непечатных, «электрических» СМИ, не нес такой угрозы для выходящих из-под типографских машин изданий прессы по всему миру. Однако уже первые годы начавшегося XXI века стали настоящим штормом на рынке печатных СМИ. По сути дела на наших глазах стало формироваться новое медиаполе, на котором традиционные печатные СМИ терпят поражение за поражением. Налицо формирование информационного общества нового типа, в котором люди не мыслят себе повседневную жизнь без интернет-технологий – не только в медиапространстве, но и в работе, образовании, науке, в обычном быту. Меняется информационное поле, меняются и все принятые ранее в печатной журналистике правила и традиции. И эта тенденция необратима. Как в новых условиях будут существовать традиционные СМИ? Смогут ли они сохраниться под натиском новых вызовов? Есть ли внутренние ресурсы для трансформации печатной прессы? Как газетам и журналам удержать читательскую аудиторию, не уронить тиражи, выжить, в конце концов, в бурном цифровом мире? Чтобы ответить на эти вопросы, попробуем сначала разобраться с основными причинами кризиса современной печатной прессы.



Итак, налицо качественное структурное изменение современного медийного поля. На наших глазах виртуальная реальность, сформированная СМИ, социальными сетями и мгновенно распространенная электронными средствами массовой коммуникации, не просто спорит с физической реальностью, а начинает подменять ее, управляет ею, становясь источником принятия решений не только на бытовом уровне, но и на высшем политическом уровне.

Лавинообразный рост электронных медиа, массовая гаджетизация населения, удешевление услуг связи и коммуникации, уход потребителя информации в Интернет – все это привело к системному кризису традиционных печатных СМИ. Особенно остро он ощущается в развитых странах – прежде всего в Северной Америке и

Западной Европе, где проблемы начались раньше других. Существенным образом, с опозданием в 5-7 лет, эти явления затронули и Россию.

В чем же основания этого кризиса?

Первое — это экономические трудности, с которыми столкнулись издательские дома и печатная пресса. Скажем, в США на ситуацию существенно повлиял мировой финансовый кризис 2008 г., который больно ударил именно по печатной прессе. Рост затрат на полиграфические услуги, подписку и экспедирование, поддержание корреспондентской сети, необходимость удерживать зарплаты журналистам на должном уровне привели к драматическому снижению рентабельности многих редакций. За пять лет (с 2008 г. по 2013 г. — *Прим. Авт.*) объем типографского заказа всех газет США сократился на 40%... Закат газетного бизнеса мы наблюдаем не только в США; то же самое происходит и во всем развитом мире¹.

Второе — стремительное развитие информационных технологий, рост числа электронных (новых) медиа, с каждым последующим годом отвоевывавшим все новые сегменты медийного поля у традиционных СМИ. Следствием этого стало обострение и без того жесткой конкуренции за читательскую аудиторию. Многие традиционные СМИ ее просто не выдержали.

Сегодня на все возрастающую роль новых медиа влияет кардинальное увеличение возможностей Интернета передавать все большие массивы данных. В этой же обойме — всеобщее распространение индивидуальных электронных средств коммуникации — ноутбуков, планшетов, смартфонов, вообще развитие мобайл-технологий. Стремительно растет число пользователей социальных сетей, мессенджеров и т.д.

Третье. Это основание прямо связано с предыдущим. Налицо значительные изменения в медиапредпочтениях аудитории, особенно ее молодой части, наиболее активно использующей всевозможные мобайл-устройства с выходом в Интернет и не мыслящие своего повседневного существования без этого.

Основные тенденции при этом таковы. Рост медиапотребления в России за 2015-2017 гг. в сегменте Интернета составил 66 процентов. При этом медиапотребление в сегменте печатных СМИ снизилось на 17 процентов в 2016 г. и на 22 процента в 2017 г.². А самым популярным контентом медиапотребления стали новости, которые россияне в основном черпают из Интернета.

Медиаэксперт Андрей Мирошниченко еще в начале 2010-х гг. опубликовал прогноз, согласно которому вымирание печатной прессы должно было начаться в 2017 г. и окончательно завершиться к 2035 г. Он утверждал, что, главными причинами кризиса будет рухнувшая система подписки и розничных продаж. Вместе с тем, по его мнению, последними умрут корпоративные и местные газеты³.

За статистическими выкладками стоят и реальные средства массовой информации с многолетней историей, которые по тем или инфм причинам, перестали выходить в печатной версии. Какие-то перепрофилировались в электронные издания, какие-то просто закрылись. Среди наиболее известных можно назвать газеты «Московская правда», «Новые известия», «Московские новости», журналы «Компьютерра», «Большой город», «Секрет фирмы», «Тайм аут», «Афиша», газета объявлений «Из рук в руки». Как самостоятельные издания перестали выходить авторитетные журналы «Деньги» и «Власть» издательского дома «Коммерсант». С 2019 г. перестал выходить

¹ Доктор К. Ньюсономика: 12 трендов, которые изменят новости. М.: Время, 2013. — 352 с. — С.20-23.

² Медиапотребление в России / Отчет исследовательского центра группы «Делойт СНГ» по результатам комплексного исследования, 2017 г. [Электронный ресурс] // www.deloitte.ru [сайт]. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html> (Дата обращения 5.11.2019).

³ Мирошниченко А. Когда умрут газеты. М.: Книжный мир, 2011. — 224 с. — С.157.

российский поэтический журнал «Арион», издававшийся раз в квартал с 1994 г.¹ В нем публиковались крупнейшие российские поэты — Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Евгений Рейн, Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко... А большинство, как их принято называть, «толстых» литературно-художественных журналов находятся на грани закрытия и борются за свое существование, выходя мизерными тиражами: «Сейчас тиражи даже у самых именитых журналов не больше четырех тысяч. Да и то не расходятся. Хотя тиражи теперь ничего не значат — бумагу стремительно поглощает интернет»².

Кроме центральных печатных СМИ в незавидном положении оказалась и региональная пресса, которая столкнулась с похожими проблемами в начале 2000 г. А начиная с 2014 г. они стали обостряться с нарастающей силой. Сказался обвал рубля по отношению к доллару в конце 2014 г., введенные против нашей страны санкции, замедление темпов экономического развития, снижение реальных доходов и покупательной способности граждан. Кроме того, с 2014 г. государство прекратило субсидирование подписки. Значительное повышение цены на полиграфические услуги в совокупности с ростом тарифов на почтовые услуги, не всегда продуманная политика региональных властей, направленная на уменьшение точек розничной продажи прессы, очень серьезно сказались на доходах издательских компаний, а в ряде случаев привели к прекращению выпуска печатных изданий. Во многих регионах страны стали закрываться имевшие давнюю историю региональные издания. Так, например, в Архангельской области перестала выходить в печатной версии старейшая региональная газета «Правда Севера», закрылась издававшаяся с 1991 г. газета «Волна». В Санкт-Петербурге был прекращен выпуск сразу трех городских газет «Смена», «Невское время», «Вечерний Петербург»³. С января 2019 г. перестала выходить одна из старейших городских газет «Вечерняя Казань».

В целом тенденция последних лет такова, что региональная пресса в подавляющем своем большинстве находится на дотации местных администраций, или вливается в медиахолдинги, которые так или иначе также поддерживаются региональными властями. При этом вполне обоснованным кажется тревога тех медиаэкспертов и правозащитников, которые считают такое положение дел угрожающим свободе слова, ведь в сложившихся условиях журналистам все сложнее занимать сколько-нибудь независимую позицию, высказывать свою, не совпадающую с мнением местной администрации точку зрения. А значит журналистика утрачивает свою основную социальную функцию — отстаивать права граждан, быть неангажированным посредником между обществом и властью.

Как же выжить в этом шторме традиционным СМИ? Неужели мы становимся свидетелями драмы, финалом которой станет окончательная смерть «бумаги»? Этими вопросами сегодня озабочены многие руководители медийного бизнеса.

Кроме оптимизации расходов, связанных с переходом на меньший формат изданий (А-3, «Берлинер» и др.), уменьшением количества полос, сокращением штата редакции, поиском новых источников роста аудитории за счет ставшей уже повсеместной таблоидизации, различных социальных акций, редакции создают собственные интернет-сайты, стараются по максимуму использовать возможности Интернета. Однако для этого нужны не только средства, но и подготовленные специалисты, способные обеспечивать техническую поддержку сайтов. Общемировой тенденцией

¹ Как российские издания отказывались от бумажных версий. Досье. [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <http://tass.ru/info/3928073> (Дата обращения 5.11.2019).

² Сенчин Р. Поезд ушел? Есть ли будущее у толстых журналов / Р. Сенчин // Российская газета. — 2020, 4 февраля.

³ Габрелянов закрыл три петербургские газеты. [Электронный ресурс] // Газета, 12.10.2015. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2015/10/12/n_7764365.shtml (Дата обращения 12.11.2019).

сегодня является кросс-платформенность, конвергентные редакции и даже развитие несвойственных для СМИ бизнесов.

Конкуренция с новыми электронными медиа, которые изначально нацелены на интернет-аудиторию, борьба за читателя заставляет традиционные печатные СМИ активнее работать в этом сегменте медиаполя. Так, например, в 2016 г. существенно редизайну подвергся интернет-сайт «Новой газеты». Очевидно, что кардинально перестроив свой онлайн ресурс, редакция энергично нацелилась на привлечение более молодой аудитории.

Медиа-эксперты предлагают различные пути выхода из кризиса или скорее пути выживания. Стратегии разные, но основные связаны с глокализацией, увеличением доли авторского контента, подготовкой материалов, связанных с качественной аналитикой, прогнозированием и, наконец, умением редакций создавать для своей аудитории исчерпывающую и актуальную повестку дня. В нарастающем информационном шуме людям становится все труднее определить источники информации, выделить главное и по-настоящему важное. Задача СМИ – формировать у читателей социальные ориентиры, помогая отделять факты от фэйков, экспертные мнения от досужих домыслов и др¹.

«Аналитика, рафинированная «дробная» публицистика, эксклюзивные интервью, «цепляющие тексты», подробные и яркие ответы на вопрос: «Что это было?» и сжатая до предела концентрация смыслов – в этом видят сегодня индустриальные эксперты основу контента печатных СМИ», – отмечается в отраслевом докладе Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям².

Касаясь вопроса трансформации медиапространства, нельзя не затронуть и такой его специфический сегмент, как ведомственная пресса, в частности пресса так называемого силового блока. Система печатных СМИ в силовых ведомствах России сложилась давно, имеет давнюю историю, в ней на протяжении десятилетий трудились и продолжают трудиться профессиональные журналисты, правда, носящие погонны. Газеты и журналы Министерства обороны, Министерства внутренних дел, МЧС, ФСБ России предназначены в основном для информирования военнослужащих, сотрудников, членов их семей, ветеранов – вот целевая аудитория ведомственных СМИ. В журналистском экспертном сообществе ведомственную прессу нередко характеризуют как закрытую, излишне традиционную, порой даже обвиняют в консервативности и некотором застое. Здесь есть зерно истины. Однако с точки зрения самих людей в погонах, руководства силовых ведомств эти качества не всегда можно считать отрицательными. Ведомственная пресса, в первую очередь, это пресса с отчетливо выраженной патриотической позицией, пресса, в которой всегда строго придерживаются государственной политики³. Основная ее функция – не только информирование военнослужащих, сотрудников, членов их семей, но и воспитательное воздействие на сознание защитников Отечества. Не зря целый ряд регламентирующих документов силовых ведомств рассматривает военную печать как инструмент системы морально-психологического обеспечения служебной деятельности. Особенно заметной эта роль становится в условиях реальных боевых действий, специальных операций, когда от морального состояния военнослужащих или сотрудников зависит выполнение боевой задачи.

¹ Тимченко И. Печать или печаль? Четыре стратегии выживания для бумажных СМИ. Журналист, 2017, №5. С.46-49.

² Российская периодическая печать. Состояние, тенденции перспективы развития в 2018 году / Отчет Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, 2019 г. [Электронный ресурс] // www.fapmc.ru [сайт]. URL: <http://www.fapmc.ru/mobile/activities/reports/2019/pechat1/html> (Дата обращения 5.11.2019).

³ В.В. Ларченков, А.А. Фомичев О современной системе средств массовой информации Министерства обороны РФ // Власть. – 2013. – №7. – С. 73.

Однако при всей «консервативности» ведомственной прессы следует признать, что происходящие в медиапространстве революционные процессы, не обошли стороной и этот сегмент отечественных СМИ. Сама жизнь заставила военную печать меняться. Не всегда, правда, эти процессы происходили своевременно, в должном объеме и с требуемым качеством. Не все еще и сегодня удалось сделать в этом направлении.

Тем не менее, газета «Красная звезда» создала своей интернет-сайт одной из первых среди коллег из других ведомственных печатных изданий — еще в начале 2000-х гг., тогда же Минобороны запустило в мировой сети свой официальный интернет-сайт, который имеет разветвленную структуру, информационно охватывающую все направления деятельности ведомства. МВД России также имеет чрезвычайно информативный интернет-ресурс, кроме того снабженный различными сервисами, облегчающими взаимодействие граждан с главным правоохранительным ведомством страны. Не менее развиты интернет-сайты МЧС и ФСБ России, сегодня — и Росгвардии (нового федерального ведомства, созданного на базе внутренних войск МВД России¹). Таким образом, все структуры силового блока страны фактически открыты для общества (естественно с учетом строгого соблюдения конфиденциальности той информации, которая по закону должна оставаться закрытой) и достаточно полно и глубоко представлены в сети Интернет.

Вместе с тем, печатные СМИ в структуре информационного обеспечения силовых ведомств сохраняют свое определенное им место. Полностью отказаться от «бумаги» (как принято называть печатную прессу в профессиональной среде) вряд ли возможно, ввиду специфики всего воинского уклада жизни, его строгой регламентации, связанной с ограничением пользования в процессе военной службы мобильными устройствами, снабженными функциями выхода в Интернет², своеобразности задач, которые решает пресса в повседневной военной жизни и при выполнении реальных боевых задач. И в этом смысле заключение А. Мирошниченко о том, что корпоративной печати (как наиболее сходной по основным признакам с ведомственной прессой) уготована в общем «бумажном» потоке самая долгая жизнь, вполне применимо к прессе ведомственной, в частности, той, что обслуживает информационные интересы людей в погонах.

Печать силовых ведомств, как мы уже упомянули, является не только средством информирования, но, в руках грамотного руководителя — еще и действенным инструментом воспитания. Этот тезис подтверждается фактами из новейшей отечественной истории, когда в период первой и второй чеченских кампаний специально для военнослужащих созданных в Северо-Кавказском регионе группировок войск сменными редакциями военных журналистов издавались газеты «Солдат правопорядка», «Защитник Родины», «Возрождение Республики». Другой пример подобного рода — выпуск газеты 14-й гвардейской армии в условиях приднестровско-молдавского конфликта в 1990-1993 гг., где Российская армия взяла на себя обязанности по поддержанию мира и стабильности в регионе³.

Именно эти печатные издания как наиболее близкие к солдату, офицеру, выполнявшим свой воинский долг с риском для жизни, были надежным источником объективной информации, а нередко противостояли информационному давлению, которое оказывали представители бандгрупп, незаконных вооруженных формирований на военных. Кроме того, в условиях ограничения доступа к Интернету, а нередко и попросту полного отсутствия электричества, на дальних КПП, заставах, в

¹ Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. №157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации».

² Федеральный закон от 06.03.2019 N 19-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

³ Козлов А.В. От Афганистана до Чечни: газеты соединений и объединений в особых условиях. М.: Военный университет, 2006 г. С. 5.

местах временной дислокации частей именно печатная газета являлась единственным надежным источником новостей о происходящем в регионе, в стране, в мире. При этом информация в этих изданиях была взвешенной, объективной, направленной на укрепление духа и воли солдат и офицеров. Такие газеты, выпускаемые в особых, экстремальных условиях обстановки, помогали не только разъяснить стоящие перед людьми в погонах задачи, но и способствовали организации их выполнения.

Практика выпуска газет в особых условиях востребована и сегодня. Так, весной 2016 г. было принято решение о развертывании редакции и типографии газеты авиационной группы Вооружённых сил РФ в Сирии «Русский витязь». Местом дислокации редакции стала авиационная база Хмеймим, а выпуск газеты был возложен на сотрудников центрального издания Министерства обороны «Красная звезда»¹.

Возвращаясь же в гражданское медийное поле, следует обратить пристальное внимание на те проблемы, которые возникают в процессе трансформации многих современных редакций, медиахолдингов. Ведь новые возможности, которые открывают цифровые технологии, ставят перед современной журналистикой новые сложные вопросы. Это касается не только овладения журналистами новыми навыками, без которых сегодня невозможно быть успешным в профессии, но в особенности качества этих навыков и умений. «Работа для нескольких информационных платформ, с которой сталкиваются сегодня многие журналисты, требует не только новых навыков, но и больших усилий»².

При переходе в цифровой формат возникает острая проблема поддержания качественного контента, без которого невозможно ни сохранить, ни приумножить лояльную аудиторию. «Хорошие издатели понимают, что журналистика — это профессия, которая должна хорошо оплачиваться, поэтому качественный контент — дорогостоящее удовольствие. При наличии бесплатной модели изданий появляется риск вымывания из профессии хороших журналистов. В этих условиях качество контента будет неумолимо снижаться, а вместе с этим — будут страдать и доверительные отношения с читателями»³.

Найти баланс между рентабельностью издания и качеством контента — вот настоящая проблема, которую решают сегодня редакции СМИ.

Крайняя позиция, которую занимают некоторые эксперты, считающие, что век печатной прессы вот-вот закончится, пока не подтверждается фактами. Газеты и журналы выходят, читающая их аудитория снижается, но пока никуда не делась.

В пользу печатных СМИ раздаются голоса опытных профессионалов рынка. Всеобщее увлечение цифрой, вполне вероятно, переменится, просто печатные газеты и журналы могут стать СМИ не столько для массовой, сколько для премиум-аудитории, имеющей время и возможности на неспешное, вдумчивое чтение, и ценящее не только «голую» информацию и развлекательный контент, но прежде всего аналитику, на основе которой можно вырабатывать позицию по тому или иному вопросу и принимать решения. Для таких читателей печатная пресса будет знаком принадлежности к определенному слою общества.

«Действительно, многие люди сегодня возвращаются к чтению газет, поскольку устали от навязчивой виртуальности. Колумнист английской газеты «Daily Mail» Сью Пирт пишет об этом так: «Для меня момент, когда я начинаю читать свежую газету, сравним, пожалуй, с тем моментом в театре, когда оркестр начинает играть ещё до того, как подняли занавес. Ты никогда не знаешь наверняка, что тебя ждёт

¹ Козлов А.В. Ведомственные СМИ в условиях трансформации медиaproстранства (на примере российских военных печатных СМИ в горячих точках в 1992-2019 гг.) // Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период 1999-2019 годы: Материалы IX международной научно-практической конференции (3-4 апреля 2019 г.): В 2-х ч. Ч. 1. — М.: Институт мировых цивилизаций, 2019. — С. 313.

² Ажгихина Н. Удержаться невозможно. Журналист, 2017, №10. С. 31.

³ Tien Tzuu. Digital media and the Art of Engagement. WIRED, 2014, №7.

внутри, но ты уверен, что через твоё сознание пройдет множество идей и мнений, о которых ты никогда не думал»¹.

Оставаясь на позиции «хорошо информированных оптимистов», тем не менее, сохраним надежду на то, что в мире будет найден баланс между существованием как печатных, так и электронных СМИ. Человек всегда должен иметь выбор.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ажгихина Н. Удержаться невозможно. Журналист, 2017, №10.
2. Большой информационный взрыв. Русский репортер, 2017, 13-27 марта.
3. Габрелянов закрыл три петербургские газеты. [Электронный ресурс] // Газета. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2015/10/12/n_7764365.shtml (Дата обращения 12.11.2019).
4. Доктор К. Ньюсономика: 12 трендов, которые изменят новости. М.: Время, 2013. — 352 с.
5. Как российские издания отказывались от бумажных версий. Досье. [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <http://tass.ru/info/3928073> (Дата обращения 5.11.2019).
6. Козлов А.В. Ведомственные СМИ в условиях трансформации медиапространства (на примере российских военных печатных СМИ в горячих точках в 1992-2019 гг.) // Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период 1999-2019 годы: Материалы IX международной научно-практической конференции (3-4 апреля 2019 г.): В 2-х ч. Ч. 1. — М.: Институт мировых цивилизаций, 2019. — 476 с.
7. Козлов А.В. От Афганистана до Чечни: газеты соединений и объединений в особых условиях. М.: Военный университет, 2006 г. — 40 с.
8. Медиапотребление в России / Отчет исследовательского центра группы «Делойт СНГ» по результатам комплексного исследования, 2017 г. [Электронный ресурс] // www.deloitte.ru [сайт]. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html> (Дата обращения 5.11.2019).
9. Мирошниченко А. Когда умрут газеты. М.: Книжный мир, 2011. — 224 с.
10. Российская периодическая печать. Состояние, тенденции перспективы развития в 2018 году / Отчет Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, 2019 г. [Электронный ресурс] // www.fapmc.ru [сайт]. URL: <http://www.fapmc.ru/mobile/activities/reports/2019/pechat1/html> (Дата обращения 5.11.2019).
11. Сенчин Р. Поезд ушел? Есть ли будущее у толстых журналов / Р. Сенчин // Российская газета. — 2020, 4 февраля.
12. Тимченко И. Печать или печаль? Четыре стратегии выживания для бумажных СМИ. Журналист, 2017, №5.
13. Tien Tzuo. Digital media and the Art of Engagement. WIRED, 2014, №7.

¹ Российская периодическая печать. Состояние, тенденции перспективы развития в 2018 году / Отчет Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, 2019 г. [Электронный ресурс] // www.fapmc.ru [сайт]. URL: <http://www.fapmc.ru/mobile/activities/reports/2019/pechat1/html> (Дата обращения 5.11.2019).

Матвеева Татьяна Дмитриевна – доктор юридических наук, профессор, научный руководитель Евразийского института международного права, эксперт ООН по правам человека (1993-2006 гг.).

Email: academia20082008@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖУРНАЛИСТОВ



Журналисты¹, работающие в ситуации вооруженных конфликтов часто подвергаются серьезной опасности. Они становятся жертвами как непосредственно военных действий – бомбардировок, перестрелок, так и других, связанных с войной рисков. Это – похищения, аресты, незаконные задержания, казни и различные виды незаконных наказаний и преследований журналистов, исполняющих свои профессиональные обязанности в зоне вооруженных конфликтов. По данным международных правительственных и неправительственных организаций последнее время список журналистов, пострадавших в вооруженных конфликтах, пополняется жертвами и пострадавшими от рук террористов². Насилие в отношении журналистов выражается и в различных способах психологического давления, в том числе и в таких актах, как угрозы убийством или применения насилия, неправомерного заключения под стражу, лишение

свободы при отсутствии веских доказательств вины; уничтожение частного и связанного с профессиональной деятельностью журналистов имущества; проведение незаконных обысков и проверок в редакциях и квартирах журналистов, преследование в сети Интернет и другие.

¹ МГП не содержит определения понятия «журналист». Общеизвестно, что при толковании данного термина следует использовать обычное значение этого слова, включающее широкий круг людей, работающих в сфере средств массовой информации. Термин «журналист» обозначает любого корреспондента, репортера, фотографа, и их кино-, радио- и телеоператоров, для которых осуществление указанной деятельности обычно является основной профессией. Ст. 2 (а) проекта Конвенции ООН 1975 г. гласит, что под журналистом следует понимать «любого готовящего кино-, радио- и телематериалы корреспондента, репортера, фотографа, оператора и их ассистентов, для которых осуществление указанной деятельности обычно является основной профессией...». Также как в ст. 4А, в ст. 79 Дополнительного протокола I не содержится определения термина «журналист»; однако, МККК в комментарии к протоколам заявляет, что его следует понимать в соответствии с его «обычным значением», ссылаясь на определение данное в ст. 2 п. а проекта Международной конвенции 1975 г. о защите журналистов в опасных командировках в зонах вооруженных конфликтов.

² Американские журналисты Стивен Сотлофф и Джеймс Фоли были захвачены в плен и казнены боевиками «Исламского государства Ирака и Леванта» (деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации). Джеймс Фоли был захвачен в плен на северо-западе Сирии 22 ноября 2012 г. и казнен боевиками 19 августа 2014 г. Стивен Сотлофф, пропавший без вести во время командировки в Ливию, был казнен двумя месяцами ранее – 2 сентября 2014 г. Халед аль Хатыб, журналист, сотрудничавший с Russia Today Arabic, погиб 30 июля 2017 г. в результате обстрела, проведенного боевиками организации «Исламское государство Ирака и Леванта». Находившийся с ним оператор Муутаз Якуб получил ранения. Этот список далеко не полный, но, безусловно, все эти трагические события свидетельствуют о том, насколько опасно для жизни журналиста работать в районах вооруженных конфликтов.

Что же предусматривает международное право для защиты и обеспечения безопасности журналистов? Какие правовые нормы призваны гарантировать их безопасность при выполнении своих профессиональных обязанностей в условиях, которые создают особую напряженность?

Защита журналистов гуманитарным правом в первые десятилетия XX в.

В международном праве правовой статус журналистов, работающих в ситуации вооруженного конфликта, складывался на протяжении нескольких веков, сначала оформившись на внутригосударственном уровне, а затем эволюционировав на международном.

Одним из первых документов, в которых была отражена идея о том, что журналисты, допущенные в район боевых действий, требуют особой защиты, стал составленный в 1863 г. по поручению президента США Авраама Линкольна Кодекс Либера. Кодекс содержал инструкции для командования армий Соединенных Штатов на полях сражений в годы гражданской войны между Севером и Югом. Статья 50 Кодекса предусматривала, что «гражданские лица, сопровождающие вооруженные силы для любых целей, такие как маркитанты, редакторы или корреспонденты журналов, или их поставщики, в случае задержания могут быть объявлены военнопленными и содержаться под стражей как таковые». Являясь по своей правовой природе актом внутригосударственного права, Кодекс Либера оказал серьезное влияние на развитие МГП.

На международном уровне вопрос о придании работающим в зоне вооруженных конфликтов корреспондентам правового статуса, обеспечивающего им защиту при осуществлении своей профессиональной деятельности в районах, где ведутся боевые действия, впервые был поставлен в 1899 г., во время первой Гаагской конференции мира. В текст принятых документов — Гаагских положений о законах и обычаях сухопутной войны, содержащихся в приложении к Гаагской конвенции 1899 г., была включена статья 13, которая предусматривала, что «Лица, сопровождающие армию, но не принадлежащие собственно к ее составу, как-то: газетные корреспонденты и репортеры, в случае захвата имеют права наравне с теми, что распространяются на военнопленных, при условии, что они обладают надлежащей аккредитацией — удостоверением «от военной власти той армии, которую они сопровождали».

Такой же подход был подтвержден в Приложении к четвертой Гаагской конвенции 1907 г. Таким образом, с прикомандированными военными корреспондентами, попавшими в плен во время освещения международного конфликта, необходимо обращаться как с военнопленными.

Это положение было включено в статью 81 Женевской конвенции 1929 г. об обращении с военнопленными. Такая практика получила название «прикомандирование», под этим подразумевается, что аккредитованные журналисты должны пользоваться определенными преимуществами, обусловленными их тесной связью с вооруженными силами.

Защита журналистов Третьей Женевской конвенцией 1949 г.

В принятых в 1949 г. Женевских конвенциях по существу сохранился принятый ранее в отношении журналистов статус военнопленных. В принятой в Женеве, 12 августа 1949 г. Конвенции (III) об обращении с военнопленными, журналисты именовались «военными корреспондентами», которыми являлись «люди, определенным образом связанные с военными действиями, но не входящие в структуру вооруженных сил». Согласно Статьи 4А Конвенции, военнопленными, являются попавшие во власть неприятеля «Лица, следующие за вооруженными силами, но не входящие в

их состав непосредственно, как, например, гражданские лица, входящие в экипажи военных самолетов, военные корреспонденты, поставщики, личный состав рабочих команд или служб, на которых возложено бытовое обслуживание вооруженных сил, при условии, что они получили на это разрешение от тех вооруженных сил, которые они сопровождают, для чего эти последние должны выдать им удостоверение личности прилагаемого образца». Косвенно этот пункт уточняет статус военных корреспондентов, находящихся под защитой, приравнивая их к «гражданскими лицам». При этом отмечалось, что «журналистам, находящимся в зонах боевых действий по собственному поручению, а не уполномоченным или аккредитованным подразделениями вооруженных сил, не предоставляется «дополнительная» особая защита». Тем не менее, они относятся к категории «гражданское население». Соответственно, обеспечиваются всей полнотой защиты и правами, касающимися гуманного обращения с ними.

В 70-е гг. XX в., когда Женевские конвенции пересматривались, были вновь подтверждены специальные меры по защите профессиональной деятельности журналистов в период вооруженного конфликта. В принятом 8 июня 1977 г. Протоколе I к Женевским конвенциям, относящимся к международным вооруженным конфликтам, утверждалось, что журналисты являются «гражданскими лицами» и таким образом, пользуются всеми мерами защиты, им предоставляемыми.

Статья 79 («Меры по защите журналистов» (Глава III – «Журналисты») гласит: «Журналисты, находящиеся в опасных профессиональных командировках и районах вооруженного конфликта, будучи гражданским лицом, пользуются в полном объеме защитой, предоставляемой международным правом гражданским лицам. Как таковыми они пользуются при условии, что они не совершают никаких действий, несовместимых с их статусом гражданских лиц, и без ущерба праву военных корреспондентов, аккредитованных при вооруженных силах». Следовательно, журналисты также пользуются гарантиями, изложенными в статье 75 Дополнительного протокола I, в которой устанавливается, что с любыми лицами, «находящимися во власти стороны, участвующей в конфликте, и не пользующимися более благоприятным обращением в соответствии с Конвенциями» обращаются гуманно, они защищаются от различных актов насилия и имеют право на беспристрастное судопроизводство в случае ареста.

Таким образом, на эту категорию журналистов распространяются все меры защиты, предусмотренные для гражданских лиц. Журналисту во время военных действий гарантированы такие права, как гуманное обращение, минимальные стандарты в отношении условий содержания, защита от актов насилия, включая пытки, медицинские и научные эксперименты, оскорбления и публичные унижения, право на доступ к медицинскому обслуживанию, право общения со своими семьями, право на получение помощи от таких организаций как Красный Крест и право на основные гарантии правосудия.

Профессиональное оборудование журналистов также считается гражданским имуществом, и поэтому не может являться объектом нападения.

В соответствии с Дополнительным протоколом I, журналисты могут получить выдаваемое правительством удостоверение личности, подтверждающее его статус в качестве журналиста. Тем не менее, наличие удостоверения не является необходимым условием для защиты журналиста как гражданского лица. Таким образом международные договоры и конвенции не закрепляют объективных норм идентификации журналиста, хотя таковыми могут являться, например, наличие специального знака отличия прессы или удостоверения журналиста, а также прочие признаки, позволяющие довольно точно идентифицировать профессиональный статус сотрудника средств массовой информации. Неоднократно эксперты и ученые выдвигали предложение о необходимости определения единого специального знака, который дол-

жен отличать журналиста от иных лиц в условиях боевых действий, однако единого мнения о целесообразности такого решения не выработалось. Представляется, что распространение отличительного символа не сможет решить проблему обеспечения безопасности журналистов, так как в экстремальной ситуации он может забыть его закрепить, знак может получить повреждения и пр.

Пределы защиты прав журналистов

Обретая в соответствии с международным гуманитарным правом статус, обеспечивающий определенную безопасность журналистов в вооруженных конфликтах, необходимо помнить, что нормами международного гуманитарного права, несмотря на установленные гарантии, предусмотрены и определенные возможности по их ограничению, что отражается в установлении пределов защиты.

Журналисты должны помнить о положениях МГП, которые указывают, что журналист утрачивает право на защиту как гражданское лицо, если он становится комбатантом, то есть начинает принимать участие в вооруженных действиях, или находится рядом с военными объектами. Есть немало примеров, когда журналисты принимают предложение военных доехать до места назначения на боевой технике, таким образом по существу лишая себя защиты международным правом. В случае, если этот бронетранспортер попадает в засаду, и, естественно, никто не будет разбираться, журналист находился в этом бронетранспортере или военнослужащий. Скорее всего, журналист будет уничтожен вместе с другими комбатантами. То же самое может быть отнесено и к желанию журналистов использовать военную форму, камуфляж. С точки зрения международного права, это дает лишний повод принять журналиста за обычного военнослужащего со всеми вытекающими из этого факта последствиями. Поэтому чрезвычайно важно соблюдать следующее условие – не брать в руки оружие, в той или иной форме не помогать той или иной вооруженной группировке. Международным гуманитарным правом в такой ситуации он квалифицируется уже не как журналист, а как комбатант.

Пределы защиты могут быть ограничены в ситуации, когда журналист находится внутри военного объекта или использует в качестве одежды военную форму. Здесь стороны конфликта не имеют объективной возможности распознать журналиста как лицо, которому согласно нормам международного права предоставляется статус представителя гражданского населения, в связи с чем утрачивается фактическая защита. В таком случае, сотрудник средств массовой информации утрачивает право на защиту в соответствии с нормами международного гуманитарного права, определяющими подобные действия журналиста как основания для утраты им соответствующего статуса.

Журналист может фактически утрачивать возможность защиты при приближении к военным объектам или местам активных вооруженных столкновений на опасное расстояние, при непосредственном нахождении внутри вооруженного формирования, когда противник фактически не имеет возможность отличить сотрудника средств массовой информации от комбатанта.

Точного определения термина «непосредственное участие в военных действиях» не существует, хотя за последние несколько лет предпринималось несколько попыток сформулировать параметры, характеризующие непосредственное участие. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии дал определение понятия непосредственное участие как «военное действие, которое по своему характеру или цели, вероятно, причинят фактический вред личному составу или снаряжению вооруженных сил противника» и приводит ряд примеров, обуславливающих непосредственное участие, в том числе: ношение, использование или поднятие оружия, участие в военных или агрессивных актах, действиях, маневрах или операциях, во-

руженных столкновениях или сражениях, участие в наступлении на неприятельские силы, снаряжение или оборудование, передача военной информации для немедленного использования воюющей стороной, транспортировка оружия в непосредственной близости от зоны военных действий, а также служба в качестве охранников, агентов разведки, дозорных или наблюдателей, действующих от имени вооруженных сил.

Верховный суд Израиля также пытался разобраться, что следует признать непосредственным участием в военных действиях, в частности, выделив определенные категории лиц, которые следует рассматривать как принимающих непосредственное участие в военных действиях. К ним относятся: а) лица, собирающие разведанные о вооруженных силах; б) лица, задействованные в транспортировке незаконных комбатантов в зону или из зоны военных действий; в) лица, которые обслуживают оружие, используемое незаконными комбатантами, или контролируют их работу, или оказывают им услуги. Судом было признано, что гражданские лица, участвующие в транспортировке боеприпасов к месту военного действия, а также лица, добровольно выступающие в качестве живого щита, могут рассматриваться как принимающие непосредственное участие в военных действиях. Суд пояснил: непосредственный характер участия не должен сужаться до лиц, совершающих только физический акт нападения, те, кто отдает им приказы также принимают «непосредственное участие». То же самое можно сказать о лицах, принимающих решение о действиях, и лицах, планирующих их. Нельзя сказать, что они принимают косвенное участие в военных действиях. Однако, далее суд исключает определенных лиц и действия из сферы непосредственного участия, в том числе: продажа продуктов питания и лекарств для незаконных комбатантов; обеспечение общего стратегического анализа, материально-технической и другой общей поддержки, в том числе денежной помощи и ведение пропаганды.

Согласно разъяснениям Международного Комитета Красного Креста непосредственное участие определяется следующим образом: все лица, которые не являются членами вооруженных сил государства или организованных вооруженных группировок, относящихся к одной из сторон в конфликте, являются гражданскими лицами. По этой причине они пользуются защитой от прямых нападений, за исключением случаев, и до тех пор, пока они не принимают непосредственное участие в военных действиях. Для того, чтобы квалифицировать как непосредственное участие, конкретное действие должно соответствовать следующей совокупности критериев:

– действие, по всей видимости, направлено на подрыв военного потенциала одной из сторон вооруженного конфликта или, другими словами, на причинение смерти, ущерба или уничтожение людей или объектов, защищенных от непосредственного нападения (порог вреда);

– должна присутствовать прямая причинно-следственная связь между действием и ущербом, причиненным в результате этого действия, или от скоординированной военной операции, неотъемлемой частью которой это действие является (прямой причинной связи);

– действие должно быть специально предназначено для непосредственного причинения требуемого порога вреда в поддержку одной из сторон конфликта и в ущерб другим (военного отношения).

Эти критерии призваны гарантировать, что лица, которые занимаются второстепенными или вспомогательными функциями, такими как администрирование или снабжение, не будут выбираться в качестве объектов нападений.

ООН и защита прав журналистов в вооруженных конфликтах

Вопросы установления и соблюдения гарантий прав журналистов и механизма их обеспечения осуществляются при активном участии международных организаций,

в первую очередь ООН. Начиная с 1970 г. в ООН ставится вопрос о необходимости усиления мер, направленных на защиту журналистов, работников средств массовой информации и связанного с ними персонала в условиях вооруженных конфликтов. Генеральная Ассамблея ООН рассматривает такие случаи с точки зрения угрозы международному миру и безопасности и выражает в этом случае готовность применить все необходимые меры, хотя на практике мы не находим реального воплощения таких намерений.

Совет Безопасности ООН принял целый ряд резолюций, в которых выражена обеспокоенность случаями нападения на журналистов; содержатся призывы к участвующим в вооруженных конфликтах сторонам соблюдать соглашения, обеспечивающие безопасность журналистов, предотвращать их нарушение. СБ ООН неоднократно акцентировал внимание мировой общественности на проблеме безнаказанности виновных в нарушениях прав журналистов в условиях вооруженных конфликтов. В Резолюциях ООН неоднократно подчеркивалась безрезультатность усилий правозащитных организаций и международного сообщества по обеспечению прав сотрудников средств массовой информации в зоне вооруженных конфликтов.

В 1975 г. правозащитными органами ООН был выработан проект Конвенции ООН о защите журналистов в опасных командировках в зонах вооруженного конфликта, который по предложению Генеральной Ассамблеи ООН был рассмотрен на проходившей в те годы Женевской дипломатической конференции. Однако государства-участники Конференции не поддержали предложение авторов Проекта включить в Протокол I к Женевским конвенциям положение об особом статусе журналистов, находящихся в профессиональных командировках в районах вооруженного конфликта. Не было поддержано и предложение Комиссии по правам человека ООН выработать специальную конвенцию, в которой для журналистов был бы предоставлен особый статус, хотя в международном гуманитарном праве широко используется такой способ защиты. Женевская конвенция 1949 г. и Дополнительные протоколы предоставляют особый статус таким категориям, как медицинский персонал, духовенство, личный состав подразделений гражданской обороны, представители МККК.

В 2012 г. был принят План действий ООН по обеспечению безопасности журналистов, в том числе и в районах международных конфликтов. В рамках Плана предусмотрен ряд мероприятий, предполагающих создание и функционирование на регулярной основе специальных комиссий по расследованию фактов убийств журналистов.

В сентябре 2016 г. Совет по правам человека ООН единогласно принял Резолюцию СПЧ 33/2 о безопасности журналистов. По своей форме резолюция является наиболее всеобъемлющей глобальной программой, направленной на обеспечение безопасности журналистов.

Организации по защите интересов журналистов предлагают учредить в ООН¹ должность Специального представителя Генерального секретаря по безопасности журналистов, полагая, что такой институт будет способствовать обеспечению тесного сотрудничества и координации всех заинтересованных в решении данной проблемы сторон, приданию ей политического веса на международном уровне, созданию условий для оперативных и легитимных действий по защите прав журналистов в вооруженных конфликтах. Однако сами журналисты, многие международные журналистские организации выступили против таких инициатив ООН по внесению в действующее в МГП положение о специальной защите для журналистов. Одной из причин, почему журналисты были против такой защиты, является опасение, что по-

¹ Совет по правам человека – одно из самых влиятельных правозащитных учреждений в мире, а его решения демонстрируют непоколебимую коллективную готовность стран-участников к действиям, направленным на защиту прав человека от нарушений и злоупотреблений.

добная защита на самом деле будет определенным инструментом давления на журналистов, будет препятствовать их профессиональной работе в зоне вооруженных конфликтов.

Высказываются опасения, что предлагаемый в ООН особый статус, в частности оснащение журналистов специальными опознавательными знаками, могут привлекать внимание определенных сил, которые будут стремиться уничтожить в первую очередь именно журналистов. Высказываются также опасения, что особый статус журналистов может способствовать нежеланию вовлеченных в конфликт военачальников и руководителей вооруженных формирований допускать журналистов в те места, где проводятся боевые операции. Они опасаются, что журналисты могут увидеть то, что военные как раз не хотели бы показывать мировому сообществу, а именно — неизбирательный характер проведения боевых действий, нарушение норм МГП, уничтожение гражданского населения и многие другие действия, за которые, в принципе, необходимо нести правовую ответственность.

Таким образом, журналисты пользуются защитой международного гуманитарного права в зоне вооруженного конфликта. Сегодня — это нормы МГП, которые говорят о том, что журналисту оказывается защита, как и любому гражданскому лицу. То есть если журналист захватывается в плен, ему должна быть обязательно предоставлена защита, судебные гарантии, что при первой возможности он должен быть выдан тому государству, которому он принадлежит и др. Но, не смотря на действующие международные соглашения, жизнь и здоровье журналистов, ведущих репортажи из зон боевых действий или осуществляющих другие виды своей профессиональной деятельности, как в силу вероятности случайно оказаться в эпицентре конфликта, но вследствие злонамеренных действий какой-либо из конфликтующих сторон, постоянно находятся под угрозой.

В современных условиях актуальными проблемами также являются обеспечение условий для беспрепятственной профессиональной деятельности журналистов, разработка механизмов, позволяющих осуществлять профилактику и выявление преступлений и правонарушений как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Очевидна необходимость расширения сферы действия международного гуманитарного права, в частности, норм, закрепляющих особенности правового статуса и механизмы защиты журналистов, продолжения работы по закреплению в международных конвенциях и договоренностях фиксации обязательного гарантированного минимума прав журналистов, которые ведут профессиональную деятельность в зоне вооруженных конфликтов различных видов, введения в международное гуманитарное право соответствующих норм.

Актуальной является и проблема безнаказанности лиц, совершивших преступления в отношении журналистов, хотя обеспечение безопасности журналистов и борьба с безнаказанностью виновных в преступлениях против них является обязательной частью международных обязательств государств. По мнению международных организаций, в частности ОБСЕ, эффективность правоприменительной практики в сфере характеризуется как крайне низкая.

Международно-правовые акты и литература по теме

Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 27.07.1929 г. [Электронный ресурс] // Международное право: история и современность. URL: <http://politology.mirtesen.ru>.

Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12.08.1949 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://www.docs.cntd.ru>

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I).

Женева, 8 июня 1977 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН №2673 «Защита журналистов, находящихся в опасных командировках в районах вооруженных конфликтов» от 9.12.1970 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: <http://www.un.org>.

Резолюция Совета Безопасности ООН №1738 «Защита гражданских лиц в вооруженном конфликте» от 23.12.2006 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: <http://www.un.org>; Резолюция Совета Безопасности ООН №2222 «Защита гражданских лиц в вооруженном конфликте» от 27.05.2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединённых Наций.

Бальги-Галлуа А. Защита журналистов и средств массовой информации во время вооруженного конфликта // Международный журнал Красного Креста. Сборник статей. М., 2004, март.

Бикбулатов И.Р. Обычаи в международном гуманитарном праве в отношении защиты журналистов во время вооруженных конфликтов // Российский ежегодник международного права 2005. Специальный выпуск. Санкт-Петербург: Россия – Нева, 2006.

Гассер Ганс-Петер. Защита журналистов в опасных командировках. МККК, 1995; Моду А. Международное гуманитарное право и деятельность журналистов. МККК, 1995.

Лабуш Н.С. Международное гуманитарное право и профессиональная деятельность журналиста, учебное пособие, СПб, 2004.

Магомедов М.Ш. Международно-правовое регулирование пределов защиты журналиста во время вооруженного конфликта / М.Ш. Магомедов // Московский журнал международного права. 2007. № 4 (68).

Мишкуро М.А. Международно-правовое положение журналистов в международном гуманитарном праве // Молодой ученый. 2017. №5.

Петренко Е.Г. Правовой статус журналистов в зоне вооруженного конфликта / Е.Г. Петренко, М.А. Подольская, В.А. Невтрило // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2017. № 1-3 (123).

Сергеева, А.С. Проблемы правового статуса журналистов в условиях вооруженных конфликтов / А.С. Сергеева // Гуманитарные науки в XXI веке. 2016. № XXXI.

Солодченко, В.С. Международно-правовой статус журналиста в зоне вооруженного конфликта / Российский ежегодник международного права 2005. Специальный выпуск. Санкт-Петербург: Россия. Нева, 2006.

Хассон Д.Х., Мартыненко Е.В. Средства и методы защиты журналистов / Правовая парадигма. Т.16. №1.

В ИНТЕРЕСАХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СТРУКТУР ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИИ



В Институте журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета состоялся выпуск слушателей курсов повышения квалификации сотрудников ведомственных информационных структур и средств массовой информации по программе «Специалист в сфере информационного обеспечения и связей с общественностью».

«Повышение квалификации прошла группа офицеров Федеральной службы войск национальной гвардии России, — рассказывает руководитель программы, доктор исторических наук, профессор А.В. Козлов. — Особенности информационного обеспечения Росгвардии требуют от военных журналистов современных знаний и навыков».

К проведению занятий были привлечены эксперты Центра исследований деятельности информационных структур и СМИ в условиях вооруженных конфликтов, Региональной общественной организации «Ассоциация исследователей деятельности информационных служб и средств массовой информации» («ЛидТерра»), преподаватели учебного центра компании «Консультант Плюс».

Дипломы выпускникам курсов вручила проректор Московского педагогического государственного университета, директор Института журналистики, коммуникации и медиаобразования, доктор педагогических наук, доцент Т.Н. Владимирова.

Анастасия Подобедова.
Фото Алексея Пестрикова, НБП.

Лебедев Александр Владимирович – военный журналист, аспирант Московского педагогического государственного университета.

Email: lebed74@list.ru

«МИРОТВОРЕЦ» ДЛЯ МИРОТВОРЦЕВ. РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ ГАЗЕТЫ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ В 1992-2001 гг.

В последнее десятилетие XX в. и в начале XXI в. Вооруженные силы России прошли испытание на прочность чередой вооруженных конфликтов. Вместе с ними проверку на состоятельность прошла и военная журналистика. Абхазия, Приднестровье, Таджикистан, Чечня, Сирия... Именно ближайšie к военнослужащим издания, а армейские, дивизионные и бригадные газеты, безусловно, являются таковыми, были призваны дать военному человеку полную, точную, правдивую информацию о реальном положении дел в стране и регионе дислокации, разъяснить стоящие перед ним задачи и помочь в организации их выполнения. Сегодня мы продолжаем серию публикаций о российских военных газетах горячих точек. Наши собеседники – бывший редактор вестника 14-й гвардейской общевойсковой армии России «Солдат Отечества» подполковник запаса И.Д. Николаев и бывший начальник отдела этой газеты – доктор исторических наук, профессор, полковник запаса А.В. Козлов.

Лебедев А.В.: Андрей Валерьевич, в своих научных трудах по истории военной журналистики Вы пишете, что череда вооруженных конфликтов, сопровождавшая развал Советского Союза, послужила причиной появления нового типа военных изданий – газет горячих точек. В чем их отличие от армейских и дивизионных газет советского периода, издававшихся в мирных условиях?

Козлов А.В.: Они создавались для решения специфических задач. От привычных дивизионных и армейских изданий они отличались периодичностью, тематикой и аудиторией. Первая подобная газета появилась в Приднестровье, где Российская армия взяла на себя обязанности по разведению воюющих сторон, а затем и по поддер-





жанию мира и стабильности. 23 июля 1992 г. вышел в свет первый номер печатного органа 14-й гвардейской общевойсковой армии «Призыв». При этом в его выходных данных значилось — «Газета Тираспольского гарнизона». Редактировал издание подполковник Валерий Александрович Бунин. Редакция — несколько офицеров-воспитателей без опыта журналистской работы. С июля по декабрь ими было выпущено три номера. Интересно, что в выпуске «Призыва» летом 1992 г. принимал участие курсант факультета журналистики Гуманитарной академии Вооруженных сил Дмитрий Олишевский, который прибыл в Тирасполь на войсковую стажировку. У него же сегодня хранятся уникальные номера той газеты.

Лебедев А.В.: Игорь Демьянович, как проходил процесс создания печатного издания 14-й армии?

Николаев И.Д.: Сложно. Решение о формировании газеты приняли еще в 1990 г., но первый ее номер на регулярной основе, уже под названием «Солдат Отечества», вышел в свет с опозданием на три года, 7 января 1993 г. Причин тому несколько: это и вооруженный конфликт между Республикой Молдова и Приднестровской Молдавской Республикой, и особенности процесса выхода 14-й армии из состава Одесского военного округа вооруженных сил Украины, который она покинула фактически по решению офицерского собрания. С декабря 1991 г. по май 1992 г. «мятежная» армия находилась в подвешенном состоянии. Из ее состава вышли соединения и части, дислоцированные на территории Украины и Молдовы: 86-я и 180-я мотострелковые дивизии, части армейского подчинения. В историю она вошла как единственное объединение, офицерский состав которого самостоятельно определил свою дальнейшую судьбу. Лишь 7 мая 1992 г. в соответствии с указом Бориса Ельцина объединение перешло под юрисдикцию Российской Федерации.

Лебедев А.В.: Кем комплектовалась редакция?

Николаев И.Д.: Офицерами воспитательных структур 14-й армии; офицерами-журналистами, прибывшими из других округов и групп войск; журналистами, призванными из запаса, так называемыми «партизанами». Из ежедневной газеты Западной группы войск «Наследник Победы» (бывшая Краснознаменная газета Группы советских войск в Германии «Советская Армия». — Прим. автора) прибыли

я, майор Валерий Годоба и старший лейтенант Андрей Козлов, из Забайкалья – капитан Николай Лизунов. «Партизан» было двое – старшие лейтенанты Юрий Кукол и Иван Войнов. Оба – выпускники кишиневского журфака, первый работал в тираспольской городской газете, а второй – бывший редактор районной газеты. Их призвали на сборы в период событий 1992 г., и они остались служить в Российской армии, а затем доросли до начальников отделов. Первый – до начальника отдела общественно-государственной подготовки, а второй – боевой подготовки.

Козлов А.В.: Выпускники Гуманитарной академии Вооруженных сил (в этот вуз вошел личный состав факультета журналистики Львовского высшего военно-политического училища, не принявший присягу на верность Украине. – Прим. автора) Дмитрий Олишевский и Сергей Есипов прибыли в редакцию летом 1993 г. Ни один из выпускников Гуманитарной академии 1992 г. к новому месту службы в Тирасполь не приехал. Лейтенанты предпочли уволиться прямо в стенах вуза, с так называемым «свободным» дипломом.

Николаев И.Д.: Из штатных гражданских журналистов особо выделялся фотокорреспондент – Лемар Павлович Корзилов, подполковник в отставке, фронтовик, разведчик, сослуживец Зои Космодемьянской. С ней он служил осенью-зимой 1941 г. в знаменитой войсковой части 9903 разведуправления штаба Западного фронта. После увольнения в запас Л.П. Корзилов много лет работал в местных газетах. По сей день все книги по истории Приднестровья, Бендер, Тирасполя, бендерской трагедии 1992 г. иллюстрируются его фотографиями.

Командующий 14-й армией генерал А.И. Лебедь с большим уважением относился к Лемару Павловичу и это, безусловно, отражалось на его отношении к коллективу редакции «Солдат Отечества» в целом.

Лебедев А.В.: Как выглядела структура армейской редакции?

Николаев И.Д.: Она включала редакторат, секретариат и три отдела: боевой подготовки, общественно-политических проблем, культуры и быта, издательство и ти-





пографию. Я редактировал газету с весны 1993 г. Николай Анатольевич Лизунов исполнял обязанности заместителя редактора — ответственного секретаря.

Лебедев А.В.: Какова роль генерала А.И. Лебеда в налаживании жизни редакции, в зарабатывании изданием авторитета у военнослужащих?

Николаев И.Д.: Прямо скажем, Александр Иванович рассматривал газету как эффективный инструмент информационного противоборства. Отсюда и внимание к нуждам военных журналистов, к их обеспечению всем необходимым. Главная особенность — решением командующего редакцию вывели из структуры органов воспитательной работы и переподчинили первому заместителю командующего генерал-майору Юрию Константиновичу Чупракову. Последнее позволило быстро решать насущные материально-технические, транспортные и другие вопросы.

Приведу пример из редакционных будней того времени. При необходимости журналисту вылететь с наблюдателями от миротворческих сил на разведку территории в зоне безопасности, корреспондент обращался к командиру вертолетной эскадрильи, тот набирал Ю.К. Чупракова и получал разрешение записать корреспондента в полетный лист. Никакой волокиты и бюрократии!

Козлов А.В.: Многие задачи командующий ставил журналистам лично. Например, на один из субботних приемов по личным вопросам весной 1995 г. пришли члены семей российских военнослужащих, погибших в горячих точках на территории бывшего СССР. Все они проживали в Приднестровье или в Молдове. Просили оказать содействие в получении единовременного пособия и страхового возмещения, в которых им отказывала страховая компания. А.И. Лебедь поднял меня и предложил написать материал по этой проблеме для центральных российских СМИ. В короткий срок подготовил проблемную корреспонденцию под заголовком «Мертвые офицеры для Родины уже чужие» и выслал ее в «Известия» Виктору Николаевичу Литовкину. После ее опубликования вопрос выплат решился положительно. Подобных примеров из жизни редакции того периода можно привести множество.

Лебедев А.В.: Как обстояло дело с критическими материалами?

Николаев И.Д.: Они постоянно присутствовали на газетных полосах. Проблемные материалы по боевой подготовке, жизни и быту войск регулярно становились предметом обсуждения на совещаниях различного уровня. На слуху были случаи,

когда на совещаниях командующий зачитывал фрагменты публикаций, а затем задавал командирам соединений и частей неприятные вопросы.

В свою очередь, мы не могли, да и не хотели ударить в грязь лицом. Высокими были требования к качеству публикаций. Любая ошибка, неточность становились предметом принципиального разбора на совещаниях и летучках.

Козлов А.В.: Редакция выполняла функцию общественного контроля. Журналисты еженедельно присутствовали на приемах по личным вопросам, а затем под рубрикой «Из приемной командующего» рассказывали о проблемах, с которыми приходили к генералу А.И. Лебедю посетители. Они, кстати, касались как бытовых проблем военнослужащих и членов их семей, так и вопросов политических. Пообщаться с А.И. Лебедем приезжали российские, молдавские, приднестровские политики, деятели культуры и искусств. Никогда не забуду делегацию Союза молдавских писателей, члены которой убеждали командующего в главенствующей роли «великого и могучего» румынского языка в жизни молдаван, о необходимости латинизации; казачьего атамана, требовавшего у командарма оружие и выставленного за дверь...

Функция общественного контроля распространялась и на вопросы жилищного обеспечения. Решением командующего двух корреспондентов газеты включили в качестве секретарей в жилищные комиссии, Дмитрия Олишевского — гарнизона, а меня — управления армии.

Лебедев А.В.: Генерал А.И. Лебедь понимал важность работы с представителями СМИ в условиях тлеющего конфликта, при этом армейские штаты не предусматривали создания пресс-центра. Мы же знаем из сюжетов и публикаций начала 1990-х гг., что журналисты были частыми гостями в 14-й армии.

Николаев И.Д.: Да, офицеры-журналисты «Солдата Отечества» фактически исполняли обязанности сотрудников пресс-группы при командующем армией: организовывали пресс-конференции, готовили публикации для центральных российских СМИ, работали «экскурсоводами», сопровождая прибывающих в регион журналистов.

Козлов А.В.: Наибольшее внимание отечественной и зарубежной прессы привлекали миротворческие посты в зоне безопасности и самые большие в европейской части бывшего СССР склады артвооружения в Колбасной. В арсенале хранились сотни тыс. тонн боеприпасов, вывезенных из групп советских войск в Венгрии и Чехословакии. С коллегами из центральных российских СМИ нужно было не только съездить или слетать в Колбасную, но и на месте рассказать об истории арсенала, об особенностях его функционирования в разные периоды, об утилизации боеприпасов и т.д. Запомнилось сопровождение коллег из съемочной группы телепрограммы «Взгляд». Они стали единственными журналистами, которых по личному распоряжению А.И. Лебеда пропустили непосредственно на техническую территорию складов, где располагались хранилища и открытые площадки для хранения боеприпасов. Из специально оборудованного искрогасителем УАЗ-452 оператор не выходил. Он вел съемку с рук при открытой боковой двери машины. До этого и после все другие журналисты съемку вели из охраняемой зоны между внутренним и наружным ограждениями технической территории арсенала.

Лебедев А.В.: О чем писала газета?

Николаев И.Д.: Основное место занимали материалы по боевой подготовке, о проблемах воспитательной работы, культуры и быта... но плюс к этому практически в каждом номере публиковались острые, злободневные материалы о политических процессах, происходящих в регионе. Критике подвергалось как руководство Молдовы, так и Приднестровской Молдавской Республики. Публикации военных журналистов регулярно становились объектом обсуждения в СМИ как Приднестровья и Молдовы, так и России и Украины. И сегодня писатели и публицисты, рассказывая



о событиях в Приднестровье в 1990-е гг., о деятельности 14-й армии, регулярно цитируют наши публикации.

Лебедев А.В.: Как формировался авторский актив?

Николаев И.Д.: Его костяк — местные журналисты, писатели, политики, которые сотрудничали с «Солдатом Отечества». Одних привлекала возможность открыто писать о политических процессах, происходящих в Приднестровье. Вторых, чего греха таить, высокие, по местным меркам, гонорары.

Козлов А.В.: С моим отделом культуры и быта сотрудничали три члена Союза писателей Иван Алексеев, Елена Гусарова, Николай Фридман и один профессиональный кроссвордист — Василий Кучерявенко. Благодаря им «портфель» отдела всегда был полон рассказов, зарисовок, стихов и т.д.

Для военкоров из числа военнослужащих 14-й армии в газете действовали рубрики «Сообщают военкоры», «Школа военкора». С внештатными авторами регулярно проводились сборы. Их организовывали на базе 59-й гвардейской Краматорской мотострелковой дивизии. Кстати, первый опыт преподавания я получил на подобных занятиях. Наличие авторского актива во многом позволяло решать кадровые проблемы, значительно улучшало жанровую палитру издания.

Лебедев А.В.: Андрей Валерьевич, в своих научных трудах Вы пишете, что в 1990-е гг. газеты в горячих точках «шагнули» за КПП воинских частей.

Козлов А.В.: Говоря научным языком, в них увеличилась доля материалов общезначимого характера, то есть от освещения исключительно жизни дивизии или армии военные журналисты перешли к анализу проблем региона, показу местных событий, рассказу о жизни в стране и мире.

В нашем случае это обуславливалось тем, что 14-я армия находилась в отрыве от Родины, и военнослужащим требовалось больше информации о жизни страны. В качестве основных ее источников использовались сообщения российских информационных агентств и материалы центральной прессы.

Николаев И.Д.: На мой взгляд, вторая причина — активное участие командования, военнослужащих 14-й армии в сложных политических процессах, происходящих в регионе дислокации.

В вестнике «Солдат Отечества» под рубрикой «На приднестровской параллели» публиковались материалы о политической, военно-политической ситуации в Приднестровье, Гагаузии, что также не укладывалось в привычную с советских времен концепцию газеты объединения. Яркий пример — публикации об участии сотрудников спецслужб Приднестровья в октябрьских событиях в Москве в 1993 г., о раздаче руководством ПМР наградного оружия сомнительным политическим деятелям и журналистам России, о передаче оружия защитникам Белого дома, об участии приднестровцев в боевых действиях в Абхазии и т.д.

Лебедев А.В.: Как реагировали местные власти?

Николаев И.Д.: Болезненно, но критика подкреплялась документами, и все попытки должностных лиц Приднестровской Молдавской Республики опровергнуть

информацию о коррупции, злоупотреблении властью, торговле оружием, результата не имели.

Газета продавалась в розницу за пределами российских военных городков в киосках бывшей «Союзпечати», в Тирасполе и Бендерах. Неоднократно фиксировались факты неофициального изъятия из продажи и уничтожения сотрудниками органов государственной безопасности ПМР тиражей вестника 14-й армии. Мы шутили, что нашу газету можно издавать любым тиражом, его все равно выкупит МГБ ПМР. Военные журналисты подвергались моральному прессингу в местных СМИ. Двух офицеров объявили «врагами Приднестровья».

Козлов А.В.: Лично я удостоился этого «звания» от коллег из газеты «Трудовой Тирасполь» за корреспонденцию «Куда «ушли» Ильича?». В ней покритиковал местные власти за грамматические ошибки (!) на новых денежных знаках Приднестровья выпуска 1994 г. Значительно позже еще одним «врагом», с подачи уже «Днестровской правды», стал Николай Анатольевич Лизунов.

Для того чтобы наиболее острые публикации доходили до читателей, часть тиража распространялась через оппозиционные местным властям ветеранские организации: «чернобыльцев», «афганцев», Совет ветеранов Великой Отечественной войны.

Отмечу, что приднестровские руководители открыто не препятствовали работе по сбору информации. Нас официально допускали на все мероприятия. Например, в 1998-2000 гг. я был аккредитован при президенте Приднестровья и присутствовал на еженедельных мероприятиях для прессы.

Лебедев А.В.: Игорь Демьянович, на какой полиграфической базе выходил «Солдат Отечества»?

Николаев И.Д.: Газета издавалась еженедельно высокой печатью форматом А-3 на 8 полосах. По приказу генерала А.И. Лебедева, с хранения сняли два комплекта АТС-62 (походная автомобильная типография. — Прим. автора). Полиграфическое оборудование установили на стационарной основе в одной из казарм 59-й гвардейской Краматорской мотострелковой дивизии. Часть оборудования получили на складах ТСВ (технических средств воспитания. — Прим. автора) Главного управления воспитательной работы Вооруженных сил России в Серпухове. Оттуда же привезли ЭГЦ (электро-гравировальный центр. — Прим. автора). На нем изготавливали клише. Тираж издания в различные годы составлял от 1 до 3 тысяч экземпляров. Газета печаталась в одну краску. Исключение составляли спецвыпуски и праздничные номера. Руководил типографией Александр Петрович Кулыгин.

Наличие типографии позволяло обеспечивать полиграфической продукцией не только потребности армии, но и, при необходимости, нужды оппозиционных сил Приднестровья и Гагаузии. Их лидеры регулярно обращались за помощью к генералу А.И. Лебедеву. Наиболее запомнилось участие в издании газеты для непризнанной Гагаузской Республики в период выборов 1994 г. и подготовка материалов предвыборной агитации в период парламентских выборов в ПМР в 1995 г.



Лебедев А.В.: Уход с поста командующего 14-й армией генерал-лейтенанта Александра Лебеда отразился на деятельности вестника?

Николаев И.Д.: Естественно. Сначала редакцию собрались разогнать. Занимался нами лично генерал-лейтенант Сергей Здориков, начальник Главного управления воспитательной работы Вооруженных сил. Он прилетел в Тирасполь вместе с министром обороны Павлом Грачевым «разруливать» ситуацию с «мятежной» армией, не признавшей нового командующего. Самолет с В.Г. Евневичем не смог приземлиться на тираспольском аэродроме, так как взлетную полосу перекрыли местные жители. Снятие с поста командующего 14-й армией генерала А.И. Лебеда они рассматривали как козни приднестровского руководства, последствиями которых станет очередная эскалация вооруженного насилия.

Козлов А.В.: Генерал С.М. Здориков долго беседовал с нами, обвинял в том, что мы нагнетаем в Приднестровье обстановку, лезем в политику, в общем, занимаемся не своим делом. В конце двухчасовой беседы он пообещал редакцию расформировать, а нас разогнать по многотиражкам Забайкалья. Обещание он не выполнил. После увольнения генерала А.И. Лебеда с должности С.М. Здориков потерял интерес к Приднестровью. Впрочем, перестала существовать и сама 14-я армия. Ее нещадно «отреформировали», а на смену ей пришла Оперативная группа российских войск в Приднестровье (ОГРВ. — Прим. автора). Газете сохранили прежнее название — «Солдат Отечества».

Лебедев А.В.: А новый командующий?

Николаев И.Д.: Генерал Валерий Евневич полностью поменял редакционную политику. Заключалось это в отказе от критических материалов, от освещения общественно-политических проблем региона. Журналистов он не любил, с прессой не общался. Они, в свою очередь, отвечали герою Белого дома взаимностью. На приемах по личным вопросам мы больше не присутствовали, задачи нам он не ставил. Его решением редакцию вернули в подчинение заместителя командующего по воспитательной работе полковнику Александру Баранову.

Лебедев А.В.: Военные СМИ в 1990-е гг. активно реформировались. Как это сказывалось на «Солдате Отечества»?

Козлов А.В.: Отрицательно. Реформы никакого отношения к повышению эффективности СМИ не имели. Они сводились к сокращению штатов. Так, на укрепление пресс-служб у нас забрали две офицерские должности и объединили два отдела. В результате я возглавил отдел с уникальным названием — общественно-политических проблем (и культуры и быта)!

Еще одна тенденция — постепенно журналистские должности стали замещать офицерами воспитательных структур, далекими от нашего ремесла. К началу лета 1999 г. в редакции остались три офицера-журналиста.

Николаев И.Д.: Все познается в сравнении. Газете еще повезло. На телецентре Оперативной группы к 1998 г. вообще не осталось ни одного профессионального тележурналиста.

Лебедев А.В.: Телецентр создавал собственный продукт или выступал исключительно в качестве ретранслятора?

Николаев И.Д.: На базе телецентра выходили программы армейского телевидения. «АРМ-ТВ» вещало на Тирасполь, Бендеры и прилегающие районы и пользовалась большой популярностью. Из России привезли телевизионное студийное оборудование, местные власти выделили радиочастоту. Покрываемое радиосигналом составляло более 30 километров. При А.И. Лебеде общее «живое» эфирное время в течение месяца составляло 385 минут. На «АРМ-ТВ» собрались сливки приднестровской тележурналистики, трудились и кишиневские журналисты, выведенные с республиканского телевидения латинизацией. Причина та же — возможность говорить правду о ситуации в регионе и высокая, по местным меркам, зарплата.

Козлов А.В.: С 1993 г. по 1998 г. «АРМ-ТВ» не только ретранслировало передачи российского канала ОРТ, но и создавало собственный продукт — новости, документальные фильмы. Штат включал начальника телестудии, технический персонал, кино- и студийных специалистов, дикторов телевидения. Две трети из них были прикомандированы к «АРМ-ТВ» из других частей. После очередной «реформы» прикомандированных вернули на штатные должности, эфирное время снизили до 200 минут в месяц, а затем и до 80 минут. С 1999 г. телецентр выполнял исключительно роль ретранслятора «Общественного российского телевидения».

Лебедев А.В.: Андрей Валерьевич, выступая в конце прошлого года на круглом столе в Союзе журналистов Москвы, Вы упомянули, что в Приднестровье российские военные журналисты выпускали газету для миротворцев.

Козлов А.В.: Да, с 1994 г. мы принимали участие в выпуске газеты Объединенной контрольной комиссии (ОКК) в зоне приднестровского вооруженного конфликта «Миротворец». Издание выходило до 2000 г. «Миротворец» — уникальное средство массовой информации. В его создании принимали участие как представители российских миротворческих сил, так и конфликтующих сторон — молдавской и приднестровской. Каждой из них было предоставлено по одной полосе четырехполосной газеты. Еще одна полоса (первая) была отведена для размещения официальных заявлений ОКК, ОБСЕ, представителей стран-гарантов и командования Совместных миротворческих сил.

Лебедев А.В.: Кто редактировал издание?

Николаев И.Д.: По числу сторон, участвовавших в выпуске «Миротворца», в редакцию входили три редактора (от Российской Федерации, от Республики Молдова, от Приднестровья) и от трех до пяти журналистов — штатных сотрудников газет «Солдат Отечества», «Армия Молдовы» и «За Приднестровье». Я редактировал газету, как редактор от России, с 1994 г. по 1997 г.; от Республики Молдова с 1994 г. по 1999 г. — майор Валерий Руссу; от Приднестровья весь период — капитан Наталья Воробьева. Редакторов утверждали и заслушивали на заседании Объединенной контрольной комиссии. Летом 1998 г. газету от России редактировал Николай Лизунов, а Андрей Козлов в 1999 г.



Лебедев А.В.: О чем писал «Миротворец»?

Козлов А.В.: Основная тематика — деятельность военнослужащих Совместных миротворческих сил по поддержанию мира и стабильности в регионе, военных наблюдателей, жизнь и быт военнослужащих России, Молдовы, Приднестровья, результаты поиска лиц, пропавших без вести во время вооруженного конфликта. Все материалы утверждались на заседаниях ОКК и публиковались только по взаимному согласию сторон. Издание газеты поочередно финансировалось Кишиневом и Тирасполем, а печаталась она в типографии города Бендеры. «Миротворец» выходил крайне нерегулярно и прекратил свое существование одновременно с расформированием вестника «Солдат Отечества».

Лебедев А.В.: Андрей Валерьевич, в монографии «От Афганистана до Чечни» Вы пишете, что на примере газеты Оперативной группы российских войск в Приднестровье можно проследить новый для военной печати негативный процесс — разрушение единого военно-информационного поля, который фиксировался исследователями начиная со второй половины 1990-х гг. В чем его суть?

Козлов А.В.: Разрушение (разряжение) единого военно-информационного поля было связано с трудностями в проведении коллективной подписки, с нарушением регулярных, оперативных поставок в войска газет и журналов. Доставка центральных газет в отдаленные регионы в те годы составляла 7-10 дней и более. За пределы единого военно-информационного поля вышли не только отдельные части, соединения, но и целые объединения.

Негативные процессы затронули и ОГРВ. В 1995 г. количество рейсов самолетов военно-транспортной авиации, обслуживавших объединение, было сокращено в два раза, до одного рейса в две недели. Как следствие, центральные российские издания, газета Минобороны России «Красная звезда», военные журналы стали поступать в Оперативную группу с двухнедельным опозданием. В период с 1998 г. по 2001 г. ситуация с доставкой прессы резко ухудшилась. Связано это было с новым сокращением количества почтовых рейсов. В периоды с августа по декабрь 2000 г. и с декабря 2000 г. по апрель 2001 г. почта из России в ОГРВ не доставлялась.

Николаев И.Д.: В 1997 г. в связи с реформированием Главного управления Сухопутных войск Оперативная группа российских войск в Приднестровье перешла в подчинение Московского военного округа (МВО. — Прим. автора) и тем самым попала в зону ответственности газеты МВО «Красный воин». Тогда же в «Красном воине» появилась тематическая полоса — «Воины МВО в Приднестровье». С 1998 г. по 1999 г. «Красный воин» нерегулярно, но все же поступал в подразделения ОГРВ. С весны 1999 г. «Красный воин» в Приднестровье приходить перестал, хотя по-прежнему на его страницах публиковались материалы о буднях миротворцев. Полоса формировалась за счет наших публикаций. Их мы с оказией и впрямь передавали в Москву ответственному секретарю окружного издания подполковнику Дмитрию





Рябоконю. Сами журналисты газеты МВО к нам в командировку ни разу не приезжали.

Лебедев А.В.: А гражданские издания, электронные СМИ, они не могли восполнить пробел в обеспечении информацией военнослужащих?

Николаев И.Д.: На возможности доступа военнослужащих и членов их семей к источникам массовой информации отрицательно сказывались особенности региона. Главная из них – регулярное отключение электроэнергии. Так, в период с декабря 1999 г. по март 2000 г. практически ежедневно свет отключался с 10.00 до 18.00 и с 21.00 до 8.00 утра следующего дня.

Козлов А.В.: Военнослужащие были лишены возможности доступа к электронным СМИ. Отсюда и популярность «Солдата Отечества» среди солдат и офицеров. Об этом говорят результаты социологического исследования читательской аудитории вестника, проведенного преподавателями Приднестровского государственного университета имени Т.Г. Шевченко. Без малого 70 процентов опрошенных указали, что они читают армейскую газету.

Лебедев А.В.: Несмотря на важную роль, которую играло издание в информационном обеспечении Оперативной группы российских войск в Приднестровье, Совместных миротворческих сил, газета была закрыта?

Николаев И.Д.: В конце 2000 г. командование приняло решение о ее расформировании. В апреле 2001 г. газета перестала выходить, а военных журналистов перевели в другие издания.

Лебедев А.В.: Как сложилась их судьба?

Николаев И.Д.: Полученный опыт позволил им и в дальнейшем успешно трудиться в журналистике и на поприще связей с общественностью.

Лебедев А.В.: Спасибо за беседу.

Записал Александр Лебедев.

Рогожин Дмитрий Олегович – курсант Военного университета МО РФ,
Фомина Ольга Николаевна – доцент кафедры информационного обеспечения
Военного университета МО РФ.
E-mail: dmitry.rogozhin99@mail.ru
E-mail: fomina_70@mail.ru

ЖУРНАЛИСТЫ-ГЕРОИ

«Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.
Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить...»
В. Шефнер



Военная журналистика представляет собой особую разновидность журналистики, которая в нашей стране существует уже на протяжении более трехсот лет. Ее деятельность направлена на сбор, обработку и распространение актуальной военной и социально-значимой информации для реализации государственной информационной политики в области обороны, военного строительства, патриотического и воинского воспитания, проводимой в целях создания благоприятных условий для эффективного решения задач, стоящих перед Вооруженными Силами.

Профессия военного журналиста теснейшим образом связана с историей военной прессы, появлением которой по праву можно считать выход первой русской печатной газеты «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах» (приводим ее название полностью, чтобы обратить внимание на то, что основатель этого издания Петр I заботился об информировании населения прежде всего по военным вопросам). Через школу военной журналистики прошли многие известные люди. Не будет преувеличением назвать среди первых военных корреспондентов А.С. Пушкина («Путешествие в Арзрум»), Л.Н. Толстого («Севастопольские рассказы»), И.А. Гончарова («Фрегат «Паллада») и многих других известных русских писателей и публицистов.

Особую значимость обрела военная журналистика, а вместе с ней и профессия военного журналиста, в годы военных испытаний, когда вся страна ждала сообщений с полей сражений. Именно тогда многие корреспонденты, художники, фотографы, операторы и дикторы записывались добровольцами и шли на фронт, чтобы рассказать и показать людям, каким трудом

достается каждая пядь отвоеванной земли. Так было, например, в Отечественную войну 1812 года, — но в гораздо большей мере по сравнению с предыдущими моментами отечественной истории востребованность военной информации усилилась в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Для обеспечения фронта и тыла актуальной информацией было развернуто большое количество печатных изданий: к концу 1942 г. в Вооруженных силах выходили 4 центральных, 13 фронтовых, 60 армейских, 33 корпусных, 600 дивизионных и бригадных газет. Уже 24 июня 1941 г., через день после начала войны, было создано Советское информационное бюро (Совинформбюро), в задачу которого входила подготовка и распространение оперативной и многоплановой информации о событиях на фронте и в тылу не только для советских людей, но и для зарубежных стран. Для укрепления кадров военной журналистики наиболее квалифицированными работниками впервые в истории советских средств массовой информации в армейскую и флотскую печать были направлены 943 писателя.

Журналистику считают одной из самых опасных профессий, ведь стремление быть в курсе всех дел не всегда оканчивается счастливо, особенно с тем риском, которому подвергали себя журналисты во время Великой Отечественной войны. Направлять корреспондентов на фронт и писать о боевых действиях могли только определенные издания: «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Красный флот», «Сталинский сокол», «Комсомольская правда», военные газеты фронтов, армий, дивизий и других соединений и объединений. Также для корреспондентов были нужны практический журналистский опыт и обладание необходимыми для работы на фронте военными знаниями. Более того, все постоянные военные корреспонденты зачислялись в кадры Красной Армии.

Главной задачей военных корреспондентов являлся показ людей фронта бойцов и командиров Красной Армии, хорошо владеющих военной техникой и тактикой ведения боя, их инициативы, военной смекалки и хитрости в борьбе с врагом, их ненависти к немецко-фашистским захватчикам, стойкости, самоотверженности и дисциплины при выполнении приказов командования, поднятие боевого духа бойцов и мирных жителей, укрепление в них морального духа и вселение веры в победу. Журналисты сражались в первом эшелоне, щедро отдавая Родине свой талант и «душевные боеприпасы». Их можно было видеть везде: в солдатском окопе и в наступающих цепях, на командных пунктах и в кабинах боевых самолетов, в партизанских лесах и на мостиках боевых кораблей. Всюду поспевал зоркий журналистский глаз. Материалы читались в траншеях и землянках, в цехах военных заводов и в тылу врага. Нередко в штабы из войск приходили телеграммы: «Пришлите снарядов и газет».

Военным журналистам на фронте нужно было много трудиться, чтобы получить настоящий материал. Для этого они и шли в бой вместе с боевыми подразделениями. Редакции требовали от своих корреспондентов свежие и яркие публикации, понимая, какой ценой будут добыты эти сведения. С блокнотом в кармане и «лейкой» в руках военкор в любой момент был готов пойти на выполнение редакционного задания, оказаться на передовой вместе с бойцами. И тогда в газетах появлялась яркая публицистика, волнующие очерки, лирические стихи, острые карикатуры. Поэтому справедливо утверждение, что главной фигурой фронтовых газет по праву считались военные корреспонденты, которые описывали жизнь людей на фронте и в тылу. Используя жанры публицистики, летописцы подвигов раскрывали героизм и мужество фронтовиков, мир их душевных переживаний и чувств, высокий боевой дух. Творчество писателей и журналистов способствовало воспитанию масс в духе любви и преданности Родине, а их произведения несли огромный заряд патриотизма, веры в нашу победу. И в этом огромная ценность и большое воспитательное значение фронтовых публикаций журналистов.



Котов
Борис Александрович



Полевой
Борис Николаевич



Омельянюк
Владимир Степанович

У командующих и командиров физически не было времени на публичные выступления для прессы — они, как правило, сразу направляли прибывающих к ним журналистов за информацией в войска. Чтобы взять интервью у И.С. Конева, корреспонденту Борису Полевому надо было заявить о себе не только как о мастере пера, но и побывать на передовой, собирая материалы для интервью и заметок с поля боя. И только после этого командующий фронтом допустил до себя журналиста «Правды».

Фронтовые журналисты проявляли чудеса храбрости и сумели приравнять к боевому штыку не менее разящее оружие — свое острое боевое перо. Сколько больших и малых событий, имен героев стали достоянием нашего народа благодаря фронтовым газетчикам! Они донесли до широчайших народных масс вести о подвигах Виктора Талалихина и Александра Матросова, Николая Гастелло и Зои Космодемьянской, Алексея Маресьева и Александра Покрышкина, тысяч и тысяч других славных сынов и дочерей Родины.

В это страшное для страны время раскрылся талант Ю.Б. Левитана — радиодиктора, чей голос знает весь мир. Ю.Б. Левитаном восхищался И.В. Сталин и ненавидел Гитлер. Несмотря на природный талант и особый тембр, Юрия Левитана первоначально неохотно брали на радио из-за сильного провинциального говора. Никто не знает, как могла бы сложиться его карьера, если бы не звонок И.В. Сталина. Именно он в 1934 г. услышал однажды ночью, как неизвестный ему диктор читает в эфире новости газеты «Правда». И.В. Сталин сразу же позвонил в Радиокomitee и сказал, что текст его доклада на XVII съезде партии должен читать только «этот голос». На всем протяжении войны Юрий Левитан читал сводки Совинформбюро и приказы Верховного главнокомандования, а его голос был известен каждому жителю страны. Именно ему было доверено объявлять о взятии Берлина и о Победе.

Известные писатели стали военными корреспондентами, в первую очередь — газеты «Красная звезда».

Константин Симонов в качестве военного журналиста газет «Красная звезда» и «Боевое Знамя» побывал на всех фронтах Великой Отечественной войны, был в Румынии, Болгарии, Югославии, Польше, Германии, описывал происходящее в последних боях за Берлин. Сложно найти человека, не знающего его стихотворение «Жди меня, и я вернусь...» и трилогию «Живые и мертвые».

Михаил Шолохов часто выезжал на линию фронта, сотрудничая с газетами «Правда» и «Красная звезда»,

в которых опубликованы его рассказ «Наука ненависти» и главы из романа «Они сражались за Родину».

Илья Эренбург был корреспондентом газеты «Красная звезда». Его стихотворение «Убей немца!» произвело колоссальный эффект на солдат и мирное население. Заглавие широко использовалось в плакатах и листовках.

Карикатуры Кукрыниксов – Михаила Куприянова, Порфирия Крылова, Николая Соколова метко разили врага с газетных страниц и агитационных плакатов («Окна ТАСС»).

Военная фотография может быть просто способом фиксирования военных действий и наглядно показывать мужество воинов и ужасы войны, а может нести в себе и определенное субъективное «послание» автора к зрителю, быть инструментом пропаганды.

Фотография Роберта Капы 1930-х гг. «Смерть республиканца» стала символом борьбы с фашизмом. Именно ему принадлежит заслуга развития военной фотографии, которая до него нередко была лишь галереей генеральских портретов.

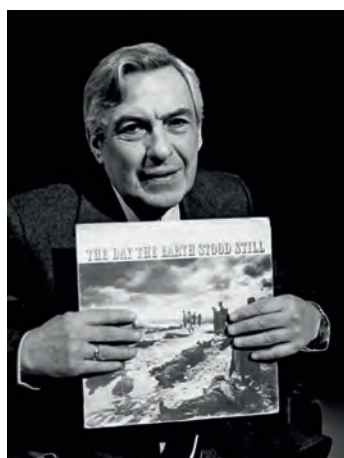
Ярким примером фотодокументирования подвига народа является знаменитая фотография Макса Альперта «Комбат» – на которой младший политрук А. Еременко поднимает солдат в атаку с пистолетом ТТ в руке. М. Альперт является одним из родоначальников военной серийной репортажной фотографии. Будучи корреспондентом ТАСС и Совинформбюро, фотограф работал как в тылу, так и на фронте, в боевой обстановке, снимал Парад Победы 24 июня 1945 г. в Москве.

Военная фотография меняется в зависимости от технического прогресса и того, что каждый конкретный художник хочет сказать о войне, какой он хочет преподнести ее людям сквозь призму своих мыслей и чувств, какие задачи поставлены перед ним. Но, как бы то ни было, война всегда остается войной: скорбью о потерянных близких, страхом еще живых перед смертью, жертвами и калекami. Так, Дмитрий Бальгерманц – фотограф с поистине мировым именем, во время Великой Отечественной войны работал военкором газет «Известия» и «На разгром врага». Его фотография под названием «Горе» передавала весь ужас и боль войны.

Говоря о военных фотографах, нельзя не упомянуть Евгения Халдея. Советский фотокорреспондент, прославившийся на весь мир знаменитым кадром «Знамя Победы над рейхстагом». Снимок был сделан по заданию Фотохроники ТАСС 2 мая 1945 г., когда Рейхстаг уже был взят. Военному фотокорреспонденту Виктору Темину также удалось запечатлеть это тор-



Сущинский
Владимир Александрович



Бальгерманц
Дмитрий Николаевич



Калинин
Дмитрий Семенович



Пастухов
Дмитрий Тимофеевич



Халдей
Евгений Ананьевич



Зверев
Иван Зиновьевич

жественное событие. Снимок крыши поверженного рейхстага — еще один символ победы над фашистами.

Двигаясь с частями Красной Армии по бесчисленным фронтовым дорогам, кинооператоры-документалисты на многих километрах пленки запечатлели всю правду этой жестокой войны. Благодаря им в исторической памяти народа сохранены кадры суровой военной Москвы, в небе которой застыли аэростаты заграждения, кадры исторического парада 7 ноября 1941 г. на Красной площади, огни замерзшей Ладоги, по льду которой прошла легендарная «Дорога жизни». Всем памятны кинокадры, снятые в сражающемся Севастополе, Одессе, Керчи, Новороссийске. Документальная хроника военных лет своей агитационной прямотой и мобилизующей силой очень емко и точно обличают фашизм во всех его проявлениях и обличьях.

Во время Великой Отечественной вместе с солдатами, уходящими в бой, нередко шли и фронтовые кинооператоры. Они работали обычно парами, используя вместо автоматов и гранат кинокамеры «Аймо» и «Лейка». Спустя три недели после начала войны на важнейших участках фронта работало около 20 киногорупп, насчитывавших более 80 кинооператоров. Всего в годы войны было 258 фронтовых операторов, многие из которых погибли в войну: почти каждый был ранен, каждый второй тяжело ранен, каждый четвертый убит. Они снимали на земле, в море и в воздухе. Одним из первых воздушную съемку освоил оператор Леон Мазрухо, который впоследствии снимал взятие Берлина из кабины самолета. Леон Борисович собрал тогда необходимый материал, и вдруг увидел то, что не снять просто не мог. Один из советских солдат делил хлеб на ломти и раздавал голодным немецким ребятишкам. Владимир Сущинский снимал бой за польский Вроцлав. Когда осколок попал оператору в голову, камера продолжала работать. Номерные накладки на детских ручонках навсегда остались в памяти человечества благодаря ростовскому кинооператору Кенану Кутуб-Заде. Он отправил с фронта километры пленки, прошел всю войну. В январе 1945 г. Кенан Кутуб-Заде первым вошел в Освенцим с камерой. Его кадры показали на Нюрнбергском процессе, а фронтовой оператор обещал себе, что больше не будет рассказывать о войне.

На начальном периоде Второй мировой войны по всему миру существовал и устрашал армии европейских стран миф о непобедимости фашистских войск. Но в битве за Москву Красная Армия разрушила его. Режиссеры Леонид Варламов и Илья Копалин сняли документальный фильм под названием «Разгром немецких войск под Москвой», удостоенный премии



Эренбург
Илья Григорьевич



Бирюля
Константин Пименович



Симонов
Константин Михайлович



Мазрухо
Леон Борисович



Шолохов
Михаил Александрович



Джалиль
Муса Мустафович

«Оскар» в 1943 г. Этот фильм, снятый в очень тяжёлых условиях и с такой оперативностью, был не только документом чрезвычайной важности, но также и произведением искусства, показывавшим весь гнев и всё мужество борющегося советского народа. Он вдохнул новую струю бодрости в сердца народа Советского Союза. Этот фильм, как и многие другие шедевры фронтовой кинохроники, — заслуга сотен военных кинооператоров.

Военные журналисты, имевшие воинские звания, могли не только объективно рассказать о происходящих на полях сражений событиях, но и встать в боевые порядки вместо павших воинов, и даже заменять убитых командиров. За проявление такого мужества некоторые из них удостоивались высшего звания Героя Советского Союза и медали «Золотая Звезда».

Хусен Борежевич Андрухаев (1920-1941). До Великой Отечественной войны работал в редакции областной газеты «Социалистическая Адыгея». Политрук роты 733-го стрелкового полка 136-й стрелковой дивизии 18-й армии. В ноябре 1941 г. в бою при отражении атаки наступающего противника у села Дьяково Ворошиловградской области погиб командир роты. Пуля пробила Хусену щеку. Но он не оставил поле боя, а продолжал мужественно сражаться, стойко держать оборону, смело разя фашистов. Три раза противник окружал Х. Андрухаева, но он мужественно отбивался. Окруженный врагами, Х. Андрухаев подпустив близко гитлеровцев и подорвал



Назаренко
Петр Данилович



Борзенко
Сергей Александрович



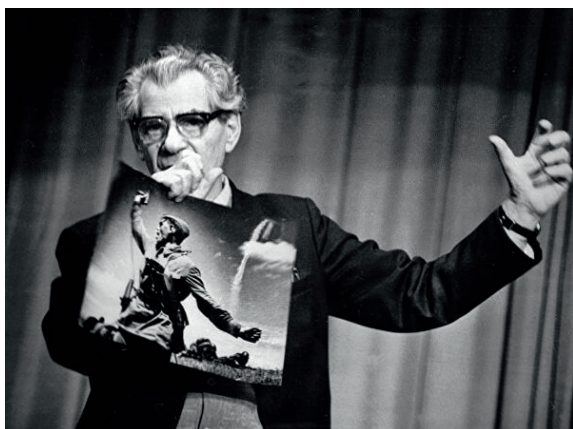
Андрухаев
Хусен Борежович

себя и подбегавших фашистов противотанковой гранатой. Хусену Борежовичу Андрухаеву было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Константин Пименович Бирюля (1919–1953). До Великой Отечественной войны работал в типографии районной газеты «Трудовое слово» в Приморском крае. Сержант, командир пулеметного отделения 355-го отдельного сапёрного батальона морской пехоты Тихоокеанского флота. Редактировал стенгазету, возглавлял партийную организацию роты, готовил публикации о сослуживцах в разные военные издания. 14 августа 1945 г., когда в бою с японскими милитаристами командир взвода выбыл из строя, К. Бирюля тут же заменил его, увлек людей в атаку и захватил высоту. Ночью японцам все же удалось окружить роту. Когда один из расчетов погиб, за станковый пулемет сел К. Бирюля. В ходе боя он был отрезан от роты. В полном окружении он несколько часов вел неравную схватку, истребив более сотни японцев, и помог роте удержать важную высоту. 14 сентября 1945 г. удостоен звания Героя Советского Союза.

Владимир Степанович Омелянюк (1917–1942). Член Минского подпольного горкома партии. Война застала В. Омелянюка в редакции областной газеты «Пионер Белоруссии». Он понимал, что с врагом надо бороться не только пулей, но и словом, правдиво информируя население о событиях на фронте. Принимая по радио сводки Совинформбюро, сам их размножал и распространял, расклеивая на стенах домов и столбах. Позже Минский подпольный горком партии решил издавать газету «Звезда» на белорусском языке, редактором которой стал В. Омелянюк. Узнав о выпуске газеты, фашисты пришли в ярость. На поиски редакции и типографии было брошено множество агентов и провокаторов. 26 мая 1942 г. на улице Минска гестаповец застрелил подпольщика. Но убив редактора, фашисты не убили «Звезду». После его смерти она вышла вновь. Патриотическое печатное слово продолжало воевать и после смерти героя, призывая людей к разгрому врага, вселяя веру в победу. В 1965 г., в канун 20-летия победы над фашистской Германией, Владимиру Степановичу Омелянюку присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Дмитрий Семенович Калинин (1910–1943). Родился в селе Новое, ныне Дальнеконстантиновского района Нижегородской области, в семье крестьянина. После окончания сельской школы стал трудиться на судостроительном заводе «Память Парижской коммуны». Работая, он активно сотрудничал с заводской газетой: писал о своих товарищах по цеху, сочинял небольшие рассказы о природе. Став флотским офицером, два года работал во 2-м Севастопольском



Альперт
Макс Владимирович



Куников
Цезарь Львович

Военно-морском училище редактором многотиражной газеты. Но когда началась война, опытный газетчик добровольно покинул редакторский кабинет и возглавил разведывательный отряд штаба Черноморского флота. Ранней весной 1943 г. был отдан приказ: в районе села Варваровка под Анапой необходимо срочно высадить небольшой морской десант на побережье, занятом врагом, и своими решительными действиями отвлечь его силы на этом участке с тем, чтобы нанести удар на другом, более важном участке. Выполняя это задание, капитан Д. Калинин в ночь на 1 мая с тридцатью моряками подошел на катере к берегу, занятому противником, смело высадился и захватил плацдарм. Предполагая, что высадился крупный морской десант, враг стал спешно перебрасывать свежие силы. В полдень Д. Калинин повел наступление на Варваровку. Но враг численно оказался сильнее. Фашисты упорно наседали на них, стремясь захватить в плен. Тогда Д. Калинин отдал приказ:

– Командование отрядом передаю старшине 1-й статьи Павлову. Отряду продолжить отход! Я с группой буду прикрывать вас...

С оставшимися моряками Д. Калинин занял оборону на опушке леса. В этой смертельной схватке он остался в живых один. Весь израненный, находясь в окружении и теряя последние силы, он продолжал стойко обороняться, но кончились патроны. Когда враги приблизились, мужественный офицер-журналист бросил под себя последнюю гранату. Вместе с собой он похоронил и многих гитлеровцев. По-смертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Цезарь Львович Куников (1909–1943). Родился в Ростове-на-Дону в семье служащего. Командир десантного отряда, майор. Окончил Московский машиностроительный институт, прошел трудовой путь от мастера Московского шлифовального завода до директора ЦНИИ машиностроения. Был ответственным редактором окружной газеты «Машиностроение». Часто выступал в печати сам и по-настоящему полюбил журналистскую деятельность, собирался связать с ней всю свою дальнейшую жизнь. Но фашистская агрессия против нашей страны разрушила все его мирные планы. Он по-настоящему знал и ценил силу печатного слова. Когда друзья спрашивали, как ему удалось в такую пору работать над газетными статьями, он с гордостью отвечал: «Это профессиональное любопытство, не удовлетворить его не имею права...». В начале 1942 г. Ц. Куников был переведен на Черноморский флот и назначен командиром 3-го боевого участка противодесантной обороны Новороссийской военно-морской базы. В холодную с сильным ветром ночь на 4 февраля 1943 г. во главе отряда спецназначения он высадился в районе Мысхако южнее Новороссийска. С тяжелыми боями овладел плацдармом, получившим название «Малая земля», и оборонял его до подхода подкрепления. 12 февраля был тяжело ранен, спасти его не



Кеннау кутуб-заде в Освенциме

удалось. Захваченный в плен командир немецкой дивизии генерал Бемэ, личный состав которой боролся против десанта Куникова, при допросе спросил у командира Новороссийской военно-морской базы контр-адмирала Г. Холостякова: «Кто же был командиром батальона морской пехоты, которая высадилась и действовала на побережье Мысхако?» И узнав, что отряд возглавлял майор Куников, до войны журналист и главный редактор центральной газеты «Машиностроение», страшно удивившись, сказал: «Если редакторы так сражаются, то не мудрено, что мы

потерпели поражение в войне с вами...». Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Муса Джалиль (Муса Мустафович Джалилов, 1906–1944). Родился в селе Муштафино в бедной крестьянской семье. Рано начал сочинять и печатать юношеские стихи, а после Гражданской войны уже редактировал детские журналы на родном татарском языке. Заведовал отделом в московской татарской газете «Коммунист». В 1931 г. окончил литературный факультет МГУ. В 1939–1941 гг. был ответственным секретарём Союза писателей Татарской АССР, работал заведующим литературной частью Татарского оперного театра. В самом начале Великой Отечественной войны ушел на фронт. Являясь корреспондентом сначала дивизионной, а затем армейской газеты «Отвага» 2-й ударной армии целыми сутками находился на передовых позициях среди бойцов, собирая нужный материал. 2-я ударная армия Волховского



Кукрыниксы в Берлине 1945 г.

фронта, в которой воевал старший политрук М. Джалиль, после кровопролитных боев в результате предательства генерала Власова, оказалась в окружении: тяжело раненный поэт попал в плен. В гитлеровском лагере он создал подпольную антифашистскую организацию, но в августе 1943 г. она была раскрыта. 25 августа 1944 г. казнен в военной берлинской тюрьме Плетцензе. В его тюремной камере обнаружено более 100 стихотворений, которые были сохранены его товарищами по заключению. Их перевод на русский язык с последующей публикацией был организован К. Симоновым. Фашисты думали, что, казнив М. Джалиля, они навсегда заруют в землю память о нем, но ошиблись. Он обрел бессмертие. Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза, в 1957 г. за большой вклад в литературу ему присуждена Ленинская премия (посмертно).

Иван Зиновьевич Зверев (1915–1944). Родился в селе Дамасово Нерченско-Заводского района Читинской области в семье крестьянина, дед и прадед были аргунскими казаками. Был сотрудником районной газеты «На советском рубеже». В 1937 г. И. Зверев призван в Красную Армию. Отслужив положенный срок, в 1939 г. вернулся в родной край, поработал еще немного в газете, а потом решил снова вернуться в армию, подав рапорт о зачислении в военно-политическое училище. В начале 1944 г. лейтенант И. Зверев оказался в составе прославленной 294-й Черкасской Краснознаменной, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии 2-го Украинского фронта. В начале марта принял участие в Корсунь-Шевченковском сражении. Это было суровое боевое крещение, которое отважный патриот выдержал с честью. Далее в Молдавии в боях за село Рыжановка лейтенант И. Зверев умело руководя боем, сам лично в рукопашной схватке уничтожил более десятка вражеских солдат. В другом бою заменил погибшего командира роты и, будучи раненным, продолжал успешно руководить подразделением до прихода подкрепления. В ночь на 28 марта 1944 г. в районе обороны 15-й бригады противник перешел в контратаку и потеснил наши боевые порядки. Под натиском врага одно из подразделений начало отход. И. Зверев получил приказ заменить это подразделение и крепко удерживать рубеж. Отбив в течение ночи четыре контратаки противника, он со своей ротой не отошел ни на шаг. Но в этом бою И. Зверев пал смертью храбрых. Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Петр Данилович Назаренко (1909–1944). Командующий артиллерией 161-й стрелковой дивизии 40-й армии Воронежского фронта, подполковник. Родился в Новочеркасске Ростовской области в семье рабочего. В 1929 г. добровольно вступил в ряды РККА, окончил Объединенную Белорусскую военную школу и стал профессиональным артиллеристом: командовал взводом, артиллерийской батареей, потом был редактором военной многотиражки. Способного военкора заметили в редакции «Красной звезды» и приказом наркома обороны капитан П. Назаренко стал спецкором газеты по Среднеазиатскому военному округу. С началом Великой Отечественной войны талантливый журналист, профессиональный артиллерист и отважный патриот воевал умело и отважно. Уничтожая врага метким огнем П. Назаренко, кроме писем родным, успевал посылать в дивизионную газету материалы о героизме своих подчиненных — артиллеристов, когда в сентябре 1943 г. его полк в составе дивизии успешно форсировал Днепр, а потом вел многодневные тяжелые бои за удержание правобережного плацдарма. Когда части дивизии вышли к Днепру, подполковник П. Назаренко организовал переправу полковой и дивизионной артиллерии на подручных средствах через реку. В ночь на 24 сентября 1943 г. под сильным огнем противника одним из первых был переброшен через Днепр отдельный истребительный противотанковый дивизион. Артиллеристы, возглавляемые П. Назаренко, немедленно вступили в бой с подошедшими силами противника, успешно отразили многочисленные атаки вражеских танков, пехоты. Это обеспечило захват и удержание плацдарма на правом берегу Днепра, дало возможность переправить другие части

дивизии. Указом Президиума Верховного Совета СССР 23 декабря 1943 г. удостоен звания Героя Советского Союза. В апреле 1944 г. в одном из ожесточенных боев на Украине, руководя огнем артиллерии дивизии, П. Назаренко пал смертью храбрых: его жизнь оборвал вражеский снаряд в тот момент, когда бой был выигран. Как бы трудно не было на фронте, Петр Данилович не забывал о своем главном призвании: постоянно вел дневник, мечтая после победы, в которую он твердо верил, написать правдивую книгу о войне.

Дмитрий Тимофеевич Пастухов (1923–1949). Родился в селе Сентелек Чарышского района, что на юге Алтайского края. До Великой Отечественной войны работал в районной газете. В июне 1941 г. ушел на войну. Боевое крещение и первое ранение получил в боях за Москву. Участвовал в Курской битве, форсировал Днепр, освобождал украинские и польские города. В апреле 1945 г. отделение саперов во главе с помощником командира взвода инженерно-минной роты 22-й гвардейской мотострелковой бригады 6-го гвардейского танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта гвардии старшим сержантом Д. Пастуховым получило задачу обеспечить переправу мотострелкового батальона. Удалось разыскать лишь одну лодку, которую не успели угнать гитлеровцы. За весла сел Дмитрий. Пришлось сделать двенадцать рейсов — двенадцать раз пересечь канал туда и обратно. И все это под огнем фашистов, под зловещий свист свинца, когда каждая секунда могла стать последней. Но вот батальон прочно зацепился за противоположный берег канала, повел яростный бой. Д. Пастухов получает новое задание — проделать проходы в минном поле. Когда путь был расчищен, стрелки дружно поднялись в атаку. В этом бою Д. Пастухов лично уничтожил 27 гитлеровцев. Лодка, в которой он переправлял солдат на противоположный берег канала, была в нескольких местах продырявлена пулями и осколками, но Д. Пастухов каждый раз на ходу заделывал пробоины и продолжал свои героические рейсы под огнем врага. И когда автоматчики переправились на другую сторону канала, Д. Пастухов вместе со своими саперами стал проделывать проходы в минных заграждениях врага: лично снял 14 противопехотных мин и тем самым обеспечил атаку и победу батальона. За участие в штурме Берлина удостоен звания Героя Советского Союза. После войны Дмитрий Тимофеевич вернулся в родные края и снова своим оружием сделал перо журналиста: пришел в родную газету «Животновод Алтая», где вскоре стал ответственным секретарем редакции.

Борис Александрович Котов (1909–1943). Родился в селе Пахотный угол Бондарского района Тамбовской области в семье служащего. Первая заметка была напечатана в 1928 г. в Усманской районной газете «Путь Ленина», рано начал печататься и в областной газете «Новая деревня», читатели сразу заметили, что его материалы отличались свежестью языка, острой наблюдательностью и злободневностью темы. С началом войны Б. Котов, не дожидаясь повестки, добровольно явился в военкомат с просьбой о зачислении его в ряды Красной Армии, но врачебная комиссия признала его негодным к строевой службе. Своим упорством он добился своего и в апреле 1942 г. был направлен на Южный фронт в инженерные войска — возводить оборонительные сооружения. Вскоре получил сержантское звание и стал командовать минометным расчетом. Служил в 737-м стрелковом полку 206-й стрелковой дивизии 47-й армии Воронежского фронта. Ранним сентябрьским утром 1943 г. на берегу Днепра, в районе южной окраины Калеберды группа советских воинов с ходу форсировала реку и закрепилась на небольшом правобережном плацдарме. Вместе с гвардейцами-смельчаками под сокрушительным огнем гитлеровцев через Днепр переправился со своим минометным расчетом и сержант Б. Котов. 29 сентября 1943 г. противник предпринял опасную контратаку на правый фланг наших боевых порядков северо-западнее деревни Пекари. Б. Котов, установив свой миномет на открытой позиции, повел меткий огонь. Расстреляв запас мин, сержант



Леонид Варламов и Илья Копалин

вооружился винтовкой и гранатами, бросился на немцев и вступил в рукопашный бой. Уничтожая врагов гранатой, винтовкой и прикладом, Б. Котов наводил панику в рядах противника, а когда немцы подались назад и обратились в бегство, преследовал их. Своей храбростью он увлекал за собой остальных бойцов. Осколком мины Б. Котов был убит. Он пал смертью храбрых в борьбе за свою Родину. Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Сергей Александрович Борзенко (1909–1972) – первый штатный военный корреспондент, удостоенный звания Героя Советского Союза. Родился в Харькове, сын фельдшера и школьной учительницы, в молодости работал электриком в трамвайном депо, писал очерки и стихи для заводских многотиражек. В 1933 г. окончил Харьковский электротехнический институт. В 1932–1934 гг. работал в газете «Краматорская правда», где собрал и объединил молодых литераторов, став родоначальником Краматорского городского литературного объединения. С первого дня войны ушел добровольцем. Затем стал корреспондентом газеты 18-й армии «Знамя Родины». Войну закончил у стен рейхстага в Берлине. С 1944 г. и до последних дней своей жизни был военным корреспондентом «Правды». Писал корреспонденции с корейской и вьетнамской войн, из других горячих точек планеты.

Он – первый военный журналист, который в годы Великой Отечественной войны был удостоен звания Героя Советского Союза за участие в Эльтигенском отвлекающем десанте в Крыму (Эльтиген – маленький греческий рыбацкий поселок под Керчью). До него военные журналисты удостоивались высоких государственных наград – орденов и медалей, но впервые медалью «Золотая Звезда» был отмечен подвиг журналиста, которому пришлось принять на себя командование десантом 318-й Новороссийской стрелковой дивизии в связи с тем, что в тяжелом бою погибли все старшие по званию офицеры.

В ночь на 1 ноября 1943 г. от причала Таманского побережья отошли суда с солдатами и матросами. С. Борзенко шел с передовым отрядом одного из полков. К середине пролива забегали фашистские прожекторы, с крымского берега на подходящие корабли обрушился ураган огня. Когда берег приблизился, С. Борзенко крикнул: «За борт!» и первым бросился в воду. Увлекая за собой группу солдат, корреспондент пополз вдоль кромки берега. Преодолели минное поле, проволочные загра-

Журналист С. Борзенко всегда и всюду оказывался первым. Раньше своих коллег присылал он в редакцию газеты свои боевые, «горячие» материалы, полученные непосредственно с мест событий. Так было в мирное время на трудовых фронтах довоенных и послевоенных пятилеток. Так было и в годы всенародной борьбы с фашизмом. Так было и после, когда С. Борзенко доводилось бывать в горячих точках планеты. А побывал он на всех континентах, во многих странах мира: Албании, Югославии, Индии, Китае, Италии, Швеции, Египте, Сирии, Англии, Ливане, Бельгии, Швейцарии, Финляндии, Дании, Индонезии, Бирме, США; во всех странах Юго-Восточной Европы. И куда бы редакция газеты ни посылала своего корреспондента, он всегда с честью и достоинством нес высокое звание русского журналиста-публициста.

После войны всю оставшуюся жизнь – 28 лет – он проработал военным корреспондентом главной партийной газеты «Правда». Как специальный корреспондент, С Борзенко дважды ездил на американо-корейскую войну (1950 г. и 1952–1953 гг.), освещая борьбу частей освободительной Корейской народной армии. Все его публикации из Кореи были построены по жесткому журналистскому правилу «Я это видел» и представляют серьезный интерес для специалистов, изучающих этот непростой период в истории Корейского полуострова.

Следующей яркой страницей в творчестве С. Борзенко стала журналистская работа по освещению зари отечественной космонавтики, дела в те времена необычного, фантастичного и особо засекреченного. В начале 1960-х гг. он постоянно летал на Байконур, встречался с первыми членами отряда космонавтов – Ю. Гагариным, Г. Титовым, В. Терешковой и другими. Запуск первого «Востока» и сотни часов бесед с Ю. Гагариным легли в основу книги «Дорога в космос», написанную им и вышедшую на всех ведущих языках мира. Один из лучших очерков на космическую тему – «Венок», посвященный трагической гибели Ю. Гагарина, ведь, пожалуй, никто из журналистов не знал первого космонавта лучше, чем С. Борзенко. Он также был готов полететь в космос в качестве первого космического журналиста, но эта программа после смерти Генерального конструктора С. Королева была упразднена.

В 1968 г. С. Борзенко вместе с войсками вылетел в Чехословакию и въезжал в мятежную Прагу на броне первых танков. Он уже входил в Прагу на танках во время войны, и сейчас ему это было крайне тяжело. Жители Праги, знавшие журналиста по его статьям в «Правде», которые в те времена перепечатывались в местных газетах социалистических стран, написали ему персональное послание мелом на стене, напротив советского корпункта в Праге: «Сергей Борзенко, мы знали вас как освободителя Праги, что вы делаете здесь сейчас?» Уже в Москве, потом, он скажет: «Я – военный корреспондент, скажут лететь на Луну, полечу и на Луну».

С. Борзенко писал не только журналистские материалы. Главной страстью его творчества была литература. Он написал и издал десятки романов, повестей и сборников рассказов. «Хороший журналист не может не писать литературные произведения», – считал он.

Одним из литературных открытий С. Борзенко стала повесть «Эль-Аламейн», в которой он впервые поднял закрытую тогда тему советских военнопленных, сражавшихся с фашизмом за рубежом. Знаменитый приказ «Ни шагу назад!», ставивший всех военнопленных, без учета обстоятельств, на одну ступень с преступниками, и после войны продолжал оказывать влияние на сознание людей. О том, что среди военнопленных, оставшихся за рубежом, были настоящие герои, ранее никто не говорил.

Во время командировок по Сирии, Египту и Ливии С. Борзенко услышал историю очевидцев, рассказавших ему о неизвестном русском полковнике, который с отрядом из советских военнопленных, бежавших из немецких лагерей, в рядах ан-

глийской армии защищал Тобрук и нанес серьезное поражение армии Роммеля под Эль-Аламейном.

Несмотря на возраст, С. Борзенко продолжал ездить по горячим точкам. Он освещал и трагические события пограничного китайско-советского конфликта на Даманском. Простуда, полученная в этой поездке, стала роковой для журналиста.

19 февраля 1972 г. С. Борзенко в возрасте 63 лет после тяжелой болезни умер, оставив после себя десятки книг, рукописей, несметное количество дневников, в которых лаконичным языком отражена эпоха XX века. Пять тысяч его очерков и статей написаны таким образом, что в них нет каких-либо домыслов или безымянных рассуждений, он писал лишь о том, что видел своими глазами и знал по существу. Пять тысяч очерков представляют ценность для будущих историков тем, что они и есть сама история минувшего века.

Опыт боевых действий показал необходимость военно-профессиональной подготовки журналистов. В связи с этим 7 мая 1947 г. в Военно-политической академии им. В.И. Ленина были образованы редакторский факультет и кафедра журналистики (в настоящее время кафедра информационного обеспечения). В 1957 г. редакторский факультет и кафедра журналистики Военно-политической академии были закрыты, но в 1975 г. аналогичные подразделения были восстановлены в составе военно-педагогического факультета. Многие выпускники редакторского отделения принимали участие в боевых действиях на территории Афганистана и других локальных конфликтов, в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Главным источником пополнения кадров военной журналистики на протяжении многих лет, начиная с 1963 г., когда состоялся первый выпуск офицеров с высшим военно-политическим образованием, оставалось Львовское высшее военно-политическое училище. В 1992 г. большая часть курсантов, обучавшихся на факультете журналистики этого вуза, была переведена в Гуманитарную академию Вооружённых сил РФ (с 1995 г. – Военный университет).

В ходе реформы военного образования в Военном университете 15 сентября 2009 г. была сформирована кафедра информационного обеспечения, которая стала правопреемницей кафедры журналистики. Учебно-научное подразделение остава-



лось базой подготовки и повышения квалификации офицеров и гражданского персонала для военных СМИ и органов информационного обеспечения ВС РФ.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2009 г. № 1136 была утверждена новая специальность «Военная журналистика». Кафедрой информационного обеспечения в предельно сжатые сроки был разработан и согласован проект федерального государственного образовательного стандарта 3-го поколения по специальности «Военная журналистика».

В 2013 г. обучение военных журналистов для Минобороны и других силовых структур России в Военном университете было прервано. Вместе с тем продолжалась подготовка кадров для прессы и информационных структур вооруженных сил стран ближнего и дальнего зарубежья: Армении, Азербайджана, Кыргызстана, Казахстана, Туркмении, Абхазии, Южной Осетии, Монголии, Анголы, Кубы, Конго, Йемена и др.

С 2017 г. в Военном университете открыт набор курсантов, функциональным назначением которых по окончании учебы станет информационное и медиакоммуникационное обеспечение военной деятельности. Нынешний этап подготовки военных журналистов отличается несколькими особенностями. Речь идет об обучении специалистов информационного профиля в современных условиях с широким набором функциональных возможностей — от автора текстов в традиционных, «бумажных» изданиях до работника аудиовизуальных СМИ; от корреспондента, умеющего взять интервью, до спичрайтера и медиатора на массовых PR-мероприятиях. Проблема эффективного использования выпускников состоит в том, чтобы гармонизировать информационные потоки в различных медиа, научить каждого военного журналиста свободно пользоваться каждым из инструментов взаимодействия с аудиторией. Системный характер такой подготовки обеспечивает формирование так называемого «универсального журналиста». Понятие «универсальный журналист» тесно сопряжено с представлением о конвергентной журналистике и даже конвергентной редакции: структуры, которая объединяет разнообразие медийные средства — печать, радио, телевидение, интернет-ресурсы. Примером подобного медийного единства является одно из структурных подразделений Департамента информации и массовых коммуникаций МО РФ — сайт Министерства обороны России.

Большой комплекс учебных дисциплин и модулей, преподаваемых будущим специалистам информационного и медиакоммуникационного обеспечения военной деятельности, призван полностью раскрыть возможности каждого обучаемого, помочь ему занять прочное место в информационном пространстве. Занятия проводятся в специализированных классах и лабораториях, организуются выездные занятия в редакциях газет, журналов, радио, телевидения, на различных информационных площадках и презентационных мероприятиях. Под руководством опытных преподавателей курсанты практикуются в создании учебных сайтов, оформлении их интерфейсов.

В Военном университете имеются все необходимые кадровые, информационные, материально-технические ресурсы для того, чтобы уровень подготовки выпускников в полной мере соответствовал критериям универсального журналиста — специалиста информационного и медиакоммуникационного обеспечения военной деятельности, продолжающего славные традиции военной журналистики.

Подготовили Дмитрий Рогожин, Ольга Фомина.

КОНКУРС НАУЧНЫХ СТАТЕЙ «СМИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА»

Институт журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета совместно с Союзом журналистов Москвы объявляет межвузовский конкурс научных статей «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права».

К участию в конкурсе приглашаются студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся по направлениям: «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Юриспруденция».

Конкурсная комиссия принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, набранного в текстовом редакторе Word через два интервала, с концевыми ссылками на использованные источники.

Работы необходимо прислать в адрес конкурсной комиссии (mgp_smi@mail.ru) до 1 марта 2020 г. Подведение итогов конкурса и награждение победителей состоится в апреле 2020 г.

К участию в конкурсной комиссии будут привлечены эксперты Центра исследований деятельности информационных структур и СМИ в условиях вооруженных конфликтов.

Лучшие работы будут опубликованы в научном журнале «Актуальные проблемы МГП и СМИ».

**Председатель конкурсной комиссии —
Виктор Николаевич Литовкин, военный обозреватель ТАСС.**

ОЛИМПИАДА «СМИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА»



Институт журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета совместно с Союзом журналистов Москвы объявляет межвузовскую олимпиаду «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права».

К участию в олимпиаде приглашаются студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся по направлениям: «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Юриспруденция».

Олимпиада состоится в апреле 2020 г. на площадке Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета (Учебный корпус «ТАГАНКА» – Верхняя Радищевская улица, д. 16–18). Форма проведения – тестирование.

Заявки на участие просим присылать по электронному адресу: mgp_smi@mail.ru.

Результаты олимпиады будут опубликованы в научном журнале «Актуальные проблемы МГП и СМИ».

**Председатель жюри —
Виктор Николаевич Литовкин, военный обозреватель ТАСС.**